

ГЛАВА IX.

Герценъ.

Въ то самое время, когда Бѣлинскій и его друзья подходили къ изученію Шеллинга, а Чаадаевъ только-что закончилъ свои «Философическія письма»—въ русской общественной мысли появились первые всходы *соціализма*, которому вскорѣ было суждено стать господствующимъ міровоззрѣніемъ русской интеллигенціи; появились они въ кружкѣ, собравшемся въ началѣ тридцатыхъ годовъ около Герцена и Огарева. Кружокъ этотъ, увлекшійся сень-симонизмомъ, съ самаго начала обратилъ свое главное вниманіе на соціальныя проблемы и все время стоялъ на той точкѣ зрѣнія, къ которой Бѣлинскій и другіе представители русской интеллигенціи, въ родѣ петрашевцевъ, пришли только въ сороковыхъ годахъ, — то-есть на точкѣ зрѣнія утопическаго соціализма, всецѣло перенесеннаго къ намъ съ запада. Въ то же время ненависть къ мѣщанству, и официальному и этическому, спаивала въ одно цѣлое членовъ герценовскаго кружка, а рѣшеніе проблемы индивидуализма ставилось ими во главу угла ихъ міровоззрѣнія: Огаревъ строилъ въ эту эпоху всеобъемлющую философскую систему, въ которой ставилъ «задачу общественной организациі: сохранить при высочайшемъ развитіи общественности полную свободу индивидуальную... Сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ — вотъ въ чемъ дѣло, вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство»... Въ это же время Герценъ начиналъ свою литературную дѣятельность статьёй о Гофманѣ и восхваленіемъ этого непримиримаго врага этического мѣщанства.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Герценъ былъ приверженцемъ философскаго романтизма, господствовавшаго въ то время среди рус-

ской интеллигенціи (см. выше главы VI—VII). «Это былъ періодъ романтизма въ моей жизни,—говорилъ впослѣдствіи Герценъ о 1834—1838 гг.,—мистическій идеализмъ, полный поэзіи, любовь, всепоглощающее и всенаправляющее чувство» (Дневникъ», 22 октября 1842 г.). Къ концу тридцатыхъ годовъ Герценъ все болѣе и болѣе порывалъ съ романтизмомъ и старался убѣдить себя, что романтическое воззрѣніе свойственно только юности, что достойны сожалѣнія тѣ люди, которые, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, не могутъ въ то же время сбросить съ себя путы религіознаго и философскаго романтизма. (Сущность романтизма онъ, слѣдуя за Гофманомъ, вполнѣ правильно видитъ въ «безконечномъ влеченіи»). Ему казалось, что самъ онъ сбросилъ съ себя эти путы къ сороковымъ годамъ и сталъ убѣжденнымъ реалистомъ; но въ сущности на душѣ его остался на всю жизнь осадокъ романтизма, мѣшавшій ему успокоиться на плоскомъ позитивномъ рѣшеніи проклятыхъ вопросовъ. Только такой человѣкъ и могъ впослѣдствіи синтезировать славянофильство и западничество—двѣ доктрины, стоящія на романтическомъ и реалистическомъ фундаментахъ.

Литературная дѣятельность Герцена въ тридцатыхъ годахъ не могла быть особенно продуктивной, отчасти по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Въ то время, какъ русская интеллигенція, въ бурномъ спорѣ партій вырабатывала тѣ два міровоззрѣнія, которыя охарактеризовали собою впослѣдствіи сороковые годы, Герценъ сидѣлъ то въ вятской, то во владимирской, то въ новгородской ссылкѣ, и иногда былъ на шагъ отъ возможности стать лишнимъ человѣкомъ, пригодиться «только для тѣни въ какомъ-нибудь романѣ, ибо *les existences manquées, les génies morts en herbe*,—въ модѣ», какъ онъ самъ писалъ Огареву (1836 г.). Но тутъ спасла его любовь, которой посвящено много дивныхъ страницъ въ «Быломъ и думахъ»; затѣмъ приподняло его духъ возвращеніе въ Москву (1840 г.), споры съ Бѣлинскимъ, съ Бакунинымъ, съ Аксаковыми. Однако немедленно послѣдовавшая ссылка въ Новгородъ чуть не окончательно добила Герцена. Правда, въ провинціи онъ узналъ и увидѣлъ систему оффиціального мѣщанства во всей ея красѣ, а также познакомился и съ беспросвѣтнымъ этическимъ мѣщанствомъ окружающаго его общества; ссылка Герцена заложила такимъ образомъ прочное основаніе его жгучей ненависти къ мѣщанству. Однако нельзя безнаказанно цѣлыми годами быть окруженнымъ сплошной стѣнной мѣщанства; фатальнымъ образомъ или сдѣлаешься лишнимъ человѣкомъ, или растворишься въ окружающемъ болотѣ. Въ «Дневникѣ» Герцена эпохи его

новгородскаго сидѣнія (1841—42 г.) мы находимъ много горькихъ строкъ, боязливыхъ вопросовъ, опасеній превратиться въ лишняго человѣка; въ это же время задуманъ и Бельтовъ, въ которомъ можно найти много автобіографическихъ чертъ. Что же касается вліянія мѣщанства, то когда Герценъ вернулся изъ новгородской ссылки въ столицы (1842 г.)—чуткому Бѣлинскому показалось, что «отъ Герцена пахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т.-е. началомъ паденія и гніенія» (письмо къ Боткину, 6 февр. 1843 г.). Къ счастью, въ кипучей общественной жизни Герценъ скоро смылъ съ себя всю прилипшую къ нему грязь мѣщанства и явился «*neu belebt und jung im frischen Gotterreich*»... Съ начала сороковыхъ годовъ начинается его интенсивная литературная дѣятельность въ рядахъ западниковъ; и въ первыхъ же своихъ статьяхъ этой эпохи Герценъ такъ или иначе пытается подойти къ рѣшенію проблемы индивидуализма.

«По поводу одной драмы» начинаетъ собою этотъ рядъ глубоко интересныхъ для насъ статей (1842 г.). Проблема индивидуализма ставится Герценомъ уже въ самомъ эпиграфѣ: «сердце жертвуетъ родъ лицу, разумъ лицу—роду. Человѣкъ безъ сердца не имѣетъ своего очага; семейная жизнь зиждется на сердцѣ; разумъ—*res publica* человѣка»:.. Самъ Герценъ не согласенъ ни на ту, ни на другую жертву, а потому у него «умъ съ сердцемъ не въ ладу». Рядъ мыслей на эту тему онъ высказываетъ по поводу вопроса, насколько семья должна поглощать личность, и начинается съ критики воззрѣнія нѣкоторыхъ славянофиловъ, по которому краугольнымъ камнемъ брака является не любовь, а нравственный долгъ; согласно этой точкѣ зрѣнія, по своему существу несомнѣнно католической, даже неудачный бракъ нерасторжимъ, ибо человѣкъ долженъ принести себя въ жертву идеѣ брака и своимъ самопожертвованіемъ укрѣпить идею. «Тебѣ, какъ личности, выхода нѣтъ; да и гини себѣ, ты—случайность. Необходимъ человѣкъ, а не ты»—такъ формулируетъ Герценъ эту анти-индивидуалистическую точку зрѣнія, съ которой, конечно, не можетъ согласиться. Для него, какъ и для Бѣлинскаго этой эпохи, человѣческая личность выше общества, выше человѣчества, а тѣмъ паче выше семьи; онъ не желаетъ примириться съ требованіями «разума» и пожертвовать лицо роду, и въ то же время настолько же не желаетъ подчиниться указаніямъ «сердца» и пожертвовать родъ лицу. Онъ жаждетъ синтеза и колеблется между лицомъ и родомъ, виситъ между ними, какъ гробъ Магомета между зенитомъ и надиромъ, искренне сознавая, что «въ самомъ колебаніи между двумя

мірами—личности и всеобщаго, есть непреодолима прелесть»... Однако это колебаніе, т.-е. процессъ рѣшенія проблемы, не есть еще разрѣшеніе ея; послѣднее Герценъ находить въ требованіи *широты* чело-вѣческой личности. Личность имѣетъ всѣ шансы погибнуть, если всѣ свои интересы, всю свою любовь возложить на частное, индивидуальное и совершенно отречется отъ общаго, ибо «чѣмъ болѣе чело-вѣкъ сосредоточивается на частномъ, тѣмъ болѣе голыхъ сторонъ онъ представляетъ ударамъ случайности»... (Только въ связи съ этимъ мѣ-стомъ можно правильно понять письмо къ Герцену Грановскаго, въ которомъ послѣдній говоритъ: «когда-то ты оскорблялъ меня, говоря: «не полагай ничего на личное, вѣрь въ одно общее», а я всегда клалъ много на личное...»; письмо отъ 25 авг. 1849 г.). Отдаваясь исключительно частному, чело-вѣкъ строить свой домъ на пескѣ, не говоря уже о томъ, что впадаетъ при этомъ въ узкое мѣщанство; если при этомъ онъ гибнетъ, то это только его вина: «пенять не на кого: личность чело-вѣка не замкнута; она имѣетъ широкія ворота для выхода», а именно — ворота, ведущія въ сферу общихъ интере-совъ. Это единственный выходъ. «Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему чело-вѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее, обобщить его разумомъ, и въ свою очередь оживить имъ разумъ»... Надо, однимъ словомъ, «жить во всѣ стороны», по великолѣпному выраженію Герцена; въ этой широтѣ и всесторонности — единственное рѣшеніе проблемы индивидуализма для каждой отдѣльной индивидуальности.

Статья «По поводу одной драмы» развилась изъ мыслей, набро-санныхъ Герценомъ въ его «Дневникѣ» отъ 13 сент. 1842 г. «Какой фазисъ въ жизни занимаетъ любовь, потомъ семейство? — спраши-ваетъ тамъ Герценъ и отвѣчаетъ: какой бы ни занимало, но исклю-чительно чело-вѣкъ не долженъ себя погружать въ одно индивиду-альное чувство. У него якорь спасенія въ идеѣ, въ мірѣ общихъ интересовъ; духъ чело-вѣка носится между этими двумя мірами. Пре-небреги онъ сердцемъ индивидуальнымъ, онъ былъ бы уродъ,—обратно тоже»... Но иногда бываетъ, что этого выхода въ сферу общаго нѣтъ; тогда чело-вѣкъ гибнетъ, но это не вина его, а бѣда его: такъ могъ погибнуть Герценъ въ новгородской ссылкѣ, если бы она продолжи-лась не годъ, а пять и десять лѣтъ, въ болотѣ этического и офици-ціального мѣщанства. Ему пришлось бы тогда положить всѣ свои

интересы на частное; и кто бы тогда былъ виноватъ, если бы съ крушеніемъ этого частнаго погибъ и самъ Герценъ? Онъ самъ задавался такими тревожными вопросами; недаромъ именно во время новгородскаго сидѣнія имъ начатъ романъ «Кто виноватъ?», представляющій собою лишь художественную иллюстрацію къ мыслямъ, изложеннымъ въ статьѣ «По поводу одной драмы». Дѣйствительно, кто виноватъ въ страданіяхъ Круциферскаго, въ любви Круциферской къ Бельтову, въ гибели трехъ жизней, столкнувшихся по дорогѣ? Еще въ своемъ «Дневникѣ» (13 сент. 1842 г.) Герценъ замѣтилъ на это: «вотъ что тутъ ужасно: *всѣ правы*»; а въ статьѣ «По поводу одной драмы» отвѣтилъ подробнѣе: «виновныхъ тутъ нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ хотятъ виноватыхъ (какъ сознательныхъ преступниковъ); есть одна вина, за которую ихъ нельзя отдать подъ судъ, но которая была причиною всѣхъ бѣдствій, причиною скрытой, неизвѣстной имъ»... Ихъ вина въ томъ — и не столько вина, сколько бѣда, — что они не знаютъ выхода изъ міра частнаго въ міръ всеобщаго; закулисная вина ихъ несчастія — «...преступное отчужденіе отъ интересовъ всеобщихъ, преступный холодъ ко всему человѣческому внѣ ихъ тѣснаго круга»... Такимъ образомъ романъ «Кто виноватъ?» является только отрицательной иллюстраціей къ положительному рѣшенію, данному еще въ статьѣ «По поводу одной драмы»; это рѣшеніе: надо жить во всѣ стороны, жить и въ частномъ и во всеобщемъ. Человѣческая личность должна быть *широкой*.

Немедленно послѣ такого рѣшенія проблемы индивидуализма передъ Герценомъ сталъ новый вопросъ, о примиреніи широты человѣческой личности съ глубиной ея. Дѣйствительно, принявъ критерій широты личности во всѣхъ сферахъ жизни, не останемся ли мы въ области, напримѣръ, науки при поверхностномъ знаніи, характеризующемъ дилетантство? Что станетъ съ наукой, которая требуетъ отъ своихъ адептовъ не широты, а специализаціи? Каково вообще должно быть отношеніе человѣка къ «спеціальности»? Всѣ эти вопросы, тѣсно связанные съ теоріей прогресса, затронуты Герценомъ въ рядѣ интересныхъ статей «Дилетантизмъ въ наукѣ» и «Буддизмъ въ наукѣ» (1841 и 1843 г.). Къ послѣдней статьѣ Герценъ беретъ эпитафію евангельское изреченіе: «погубившій свою душу найдетъ ее», и этимъ опредѣляетъ свое отношеніе къ вопросу о специализаціи, строя свою аргументацію на гегельянской триадѣ. Наука, заявляетъ Герценъ, не можетъ существовать безъ специализаціи, безъ раздѣленія труда, но также не должна обращаться въ узко-спеціальное ремесленничество: и дилетанты, и цеховые ученые, буддисты науки, одинаково далеки

отъ истины. Дилетанты хватаютъ на лету только вершки всѣхъ наукъ, а потому не знаютъ ни одной, они скользятъ по поверхности и не могутъ углубиться ни въ одинъ вопросъ. Они всегда готовы изучать все, говорить *de rebus omnibus quibusdam aliis*: «дилетантъ занимается всѣмъ *scibile*, да еще сверхъ того тѣмъ, чего знать нельзя, т.-е. мистицизмомъ, магнетизмомъ, физиогномикой, гомеопатіей, гидропатіей и пр.»... Цеховые ученые — полнѣйшая противоположность дилетантамъ; они пожертвовали все общему—наукѣ—своей личностью: они — жертвы постоянно развивающагося раздѣленія труда; многія общечеловѣческія чувства у нихъ атрофированы; въ нихъ часто изумляетъ сочетаніе «огромныхъ свѣдѣній съ всесовершеннѣйшею тупостью», такой специалистъ — «вѣчный недоросль между людьми». Дѣйствительно, «на что химику *Гамлетъ*? на что физику *Дон-Хуанъ*?—разсуждаютъ такіе специалисты; на что ботанику общественная дѣятельность? на что математику—исторія, астроному—искусства? Всѣ специалисты, разсуждающіе такимъ образомъ, сами того не сознавая, пожертвовали своей человѣческой личностью во имя сухой и мертвой абстракціи науки: сама такая наука — безжизненна, такой ученый—жалкій Вагнеръ,

Der immerfort an schalem Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet!

«Человѣкъ готовъ принять всякое званіе, но къ званію человѣка еще не привыкъ»—съ горечью замѣчаетъ Герценъ; въ этомъ лежитъ причина появленія такихъ Вагнеровъ, старающихся съ полнымъ восторгомъ натянуть на себя мундиръ какого-нибудь цеха, касты, или специализироваться на какомъ-нибудь дождевомъ червѣ.

Что же дѣлать? Безъ раздѣленія труда наука обращается въ дилетантизмъ; при раздѣленіи труда она переходитъ въ ремесленничество. Специализація необходима, говоритъ Герценъ; наука «требуетъ съ самаго начала жертвоприношенія личностью». Дилетанты чрезмерно дорожатъ своей личностью и боятся пожертвовать ею наукѣ, хотя бы временно, а потому они остаются у порога науки; буддисты жертвуютъ своею личностью безъ протеста и жертвуютъ на всю жизнь, а потому и обращаются въ мертвые, безжизненные манекены. «Наука есть царство безличности», природа и жизнь—могучее царство индивидуальности; личность должна самозаклаться въ наукѣ для того, чтобы послѣ воскреснуть въ высшемъ и болѣе сознательномъ самопониманіи: такъ погубившій свою душу спасетъ ее. «Мутныя индиви-

дуальности, вырабатываясь из естественной непосредственности, туманомъ поднимаются въ сферу всеобщаго, и, просвѣтленныя солнцемъ идеи, разрѣшаются въ безконечной лазури всеобщаго, ... (а затѣмъ) онѣ низвергаются благодатнымъ дождемъ, чистыми кристалльными каплями на прежную землю». Такая «возвращенная личность» есть видъ и индивидъ вмѣстѣ: «она постигла свою всеобщность и сохранила свою единичность». Но какъ все это возможно? какъ произойдетъ такой синтезъ? Очищая свои мысли отъ эффектной гегельянской позолоты, самъ Герценъ выясняетъ свою точку зрѣнія, являющуюся своего рода «научнымъ индивидуализмомъ», вполне подобнымъ тому эстетическому индивидуализму, съ которымъ мы познакомились у Пушкина. Научный, т.-е. относящійся къ сферѣ науки индивидуализмъ заключается приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: въ области научнаго творчества всесилень принципъ «наука для науки», какъ вполне справедливо утверждаютъ цеховые ученые, буддисты науки; но въ то же время примѣненіе этого принципа къ самому ученому неизбежно ведетъ къ узкой спеціализаціи и мѣщанству, и въ этомъ отношеніи совершенно правы дилетанты. *Цѣль науки — въ наукѣ, но цѣль ученаю, какъ человѣка — въ самой жизни.* Человѣкъ шире науки и долженъ помнить, что наука для него, а не онъ для науки. Отсюда выводъ: истинная точка зрѣнія, синтезъ буддизма и дилетантизма заключается во вполне возможномъ соединеніи спеціализаціи съ общечеловѣческой широтой. Спеціалисты ученые, буддисты науки, изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, дилетанты — въ лѣсу не желаютъ и не умѣютъ различать отдѣльныхъ деревьевъ; «дилетанты смотрятъ въ телескопъ, ... ученые (спеціалисты) смотрятъ въ микроскопъ», въ то время какъ надо, умѣя пользоваться и микроскопомъ и телескопомъ, смотрѣть на міръ простыми глазами. Глубина спеціалиста отрицательно оттѣняется его мѣщанской узостью, широта дилетанта — его мѣщанской плоскостью, а между тѣмъ и глубина и широта могутъ быть тѣсно соединены между собою. Необходимо, чтобы спеціалистъ не поглощался *всецѣло* своей узкой отраслью, необходимо, чтобы дилетантъ углубился *хоть въ какой-нибудь* спеціальнѣйшій вопросъ; тогда въ этомъ синтезѣ исчезнетъ и дилетантъ и спеціалистъ, а останется только человѣкъ науки, которому ничто человѣческое не чуждо.

И это ярко анти-мѣщанское требованіе широты и глубины личности всегда стоитъ у Герцена на первомъ планѣ. Въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Россіи (въ «Современникѣ» 1848 г.), Герценъ еще разъ и съ новой стороны подходитъ все къ

тѣмъ же глубоко занимающимъ его вопросамъ. Въ статьѣ «Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести», статьѣ, къ сожалѣнію, неоконченной, Герценъ вскрываетъ этическую подоплеку понятія «чести», получившаго такое уродливое развитіе въ XIX вѣкѣ. Понятіе «чести» является (и впервые явилось у рыцарства) признаніемъ «безконечнаго достоинства человѣческаго», «достоинства человѣческой личности и святой неприкосновенности ея», первымъ проявленіемъ этического индивидуализма. Впервые среди рыцарства среднихъ вѣковъ «человѣкъ научился уважать человѣка въ рыцарѣ»; до того времени личность считалась достойной вниманія только какъ часть цѣлаго. Именно, на древнемъ Востокѣ личность «почти затеряна въ племени, въ царствѣ»; въ Греціи и въ Римѣ мы наблюдаемъ высшее развитіе гражданственности—человѣка, но не личности. «Личность индивидуума терялась въ гражданинѣ, а гражданинъ былъ органъ другой священной, обоготворяемой личности—личности города. ... (Греки) поглотили всеобщимъ личность, городомъ—гражданина, гражданиномъ — человѣка; но личность имѣла свои неотъемлемыя права...» — такъ писалъ Герценъ о греко-романскомъ мірѣ еще въ 1841 г. въ статьяхъ о «Дилетантизмѣ въ наукѣ». Теперь онъ только развиваетъ свою прежнюю точку зрѣнія, указывая, что въ греко-римскомъ мірѣ *res publica* была все, личность—ничто. Но «средніе вѣка обернули вопросъ: существеннымъ сдѣлалась личность, несущественнымъ — *res publica*». Однако и то и другое равно односторонне, а потому и мѣщански узко: «жизнь общественная — такое же естественное опредѣленіе человѣка, какъ достоинство его личности. Безъ сомнѣнія, личность—дѣйствительная вершина историческаго міра: къ ней все примыкаетъ, ею все живетъ, все общее безъ личности — пустое отвлеченіе; но личность только и имѣетъ полную дѣйствительность по той мѣрѣ, по которой она въ обществѣ». И Герценъ приходитъ къ тому соціологическому индивидуализму, который былъ такъ характеренъ для западниковъ, такъ ярко выражался у Бѣлинскаго въ признаніи необходимости синтеза общества и личности при главенствѣ интересовъ послѣдней. Для Бѣлинскаго «человѣческая личность—выше исторіи, выше общества, выше человѣчества», для Герцена «личность—дѣйствительная вершина историческаго міра», но «истинное понятіе о личности равно не можетъ опредѣлиться ни въ томъ случаѣ, когда личность будетъ пожертвована государству, какъ въ Римѣ, ни когда государство будетъ пожертвовано личности, какъ въ средніе вѣка. Одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному

понятію о лицѣ вообще... Сочетаніе это—труднѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ»...

Въ этой статьѣ Герценъ касается проблемы индивидуализма только мимоходомъ: въ статьѣ «Новыя варіаціи на старыя темы», къ сожалѣнію также неоконченной, онъ подходитъ къ ней вплотную.

— «Кто для кого, личность для общества, или общество, государство для лица?

— Безъ сомнѣнія, лицо для государства, иначе что же это будетъ—*эгоизмъ, своеволие!*

— Я совершенно согласенъ съ вами»... — иронически оканчиваетъ Герценъ этотъ воображаемый разговоръ и беретъ его эпиграфомъ при разборѣ проблемы индивидуализма, съ силою возставая противъ шаблоннаго осужденія «своеволія» и эгоизма. Конечно, есть эгоизмъ и эгоизмъ: эгоизмъ, какъ система этическихъ воззрѣній, признающихъ человѣка средствомъ и только самого себя — цѣлью, является, какъ намъ это уже приходилось отмѣчать, анти-индивидуализмомъ и мѣщанствомъ; но весьма часто приходится слышать другое опредѣленіе эгоизма и ходячее противопоставленіе его мѣщански-добродѣтельному альтруизму, причемъ рекомендуется самого себя считать только средствомъ, всякое же выставленіе впередъ человѣческаго «я» бичуется, какъ безнравственное, эгоистическое дѣяніе. Герценъ энергично возстаетъ противъ такого осужденія эгоизма и стремленія «сдѣлать изъ человѣка слезливаго, сентиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство». Еще въ своемъ «Дневникѣ» (отъ 15-го апрѣля 1843 г.) Герценъ высказывалъ, что «эгоизмъ есть только сосредоточенное, болѣзненное, исключительное, сумасшедшее проявленіе личности, которая имѣетъ сильный, рѣзкій голосъ во всѣхъ начинаніяхъ людскихъ»; это онъ, конечно, говоритъ о томъ крайнемъ эгоизмѣ, который является анти-индивидуализмомъ и мѣщанствомъ. Теперь, въ разбираемой нами статьѣ 1848 года, Герценъ нападаетъ главнымъ образомъ на сентиментально-альтруистическую точку зрѣнія, стремящуюся къ полнѣйшему подавленію личности. «Что такое эгоизмъ?—спрашиваетъ онъ:—сознаніе моей личности, ея замкнутости, ея правъ? Или что-нибудь другое? Гдѣ оканчивается эгоизмъ и гдѣ начинается любовь? Да и дѣйствительно ли эгоизмъ и любовь противоположны, могутъ ли они быть другъ безъ друга? Этотъ рядъ смѣлыхъ вопросовъ показываетъ какъ далеко отъ своего времени ушелъ Герценъ въ пониманіи этическихъ проблемъ: отрицаніе противоположенія эгоизма и альтруизма, не сопровождающееся притомъ моралью утилитаризма (какъ это было у

публицистовъ шестидесятихъ годовъ), переносить насъ къ этическому индивидуализму религіозно-философскаго теченія начала XX-го вѣка. Какъ былъ близокъ къ нему Герценъ — покажетъ продолженіе цитаты, только-что прерванной нами и которую мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ. «Не есть ли эгоизмъ одно и то же съ индивидуализаціей,—продолжаетъ Герценъ,—съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли? Всего меньше эгоизма въ камнѣ; у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ, онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человѣка; не сливается ли онъ съ высшей гуманностью у образованнаго? Вы думаете, что моралисты разрѣшили эти вопросы; нѣтъ, они отдѣлываются до блестящимъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ значительный порокъ, имъ этого довольно; ихъ безпорочная натура мечетъ громы на него и не унижается до пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобъ именно на эгоизмѣ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человѣческаго, создать житейскую мудрость и разумныя отношенія людей ¹⁾, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т.-е. срыть die feste Burg человѣческаго достоинства и сдѣлать изъ человѣка слезливаго, сентиментальнаго, прѣснаго добрака, напрашивающагося на добровольное рабство... Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастью, это невозможно и напоминаетъ только того почтеннаго моралиста, который отучилъ свою лошадь отъ эгоистической привычки ѣсть и очень сердился, что она умерла, какъ только стала отвыкать отъ пищи».

Намъ нечего прибавлять къ этой блестящей защитѣ правъ индивидуальности, а остается только констатировать всю силу этического индивидуализма Герцена, приходящаго такимъ путемъ и къ индивидуализму социологическому. Лицо для общества, иначе будетъ эгоизмъ, своеволие — таковъ былъ обычный аргументъ славянофильства, также базировавшагося на этическомъ индивидуализмѣ; Герценъ, исходя изъ этого же основанія, доказалъ всю необоснованность ходячихъ нападокъ на эгоизмъ, противопоставляемый альтруизму, «общинному на-

¹⁾ Въ этой фразѣ не трудно видѣть первые звуки утилитаристической морали, въ послѣдствіи столь рѣзкой и задорной у Чернышевскаго, Писарева и эпигоновъ 60-хъ годовъ. Выше Герценъ замѣтилъ еще опредѣленнѣе: «могу ли я любить кого-нибудь не для себя, могу ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ* удовольствія?... Но, разумѣется, такой яркій этической индивидуалистъ, какъ Герценъ, былъ безконечно далекъ отъ морали утилитаризма.

чалу» и т. п., какъ это дѣлали славянофилы. Онъ первый указаль вѣрный путь отъ этического индивидуализма къ соціологическому и перебросилъ въ этомъ мѣстѣ мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ; онъ показалъ, что словами «своеволіе, эгоизмъ» и тому подобными жупелами запугать никого нельзя. Все сказанное выше объ эгоизмѣ Герценъ повторяетъ и о «своеволіи» личности въ обществѣ. Своеволіе — но «что же за нравственная обязанность быть подъ авторитетомъ *чужевольца*? Я полагаю, что своеволіе есть высшая нравственная среда, что до нея и домогаются всѣ».

Выводъ изъ всего этого былъ уже давно высказанъ и Бѣлинскимъ и самимъ Герценомъ въ признаніи человѣческой личности дѣйствительной вершиной историческаго міра, стоящей выше исторіи, выше общества, выше человѣчества, выше всѣхъ сухихъ отвлеченій и абстракцій. Въ послѣдней главѣ «Новыхъ варіацій на старыя темы» Герценъ особенно останавливается на этомъ вопросѣ, разбирая его со своей типичной субъективно-индивидуалистической точки зрѣнія, въ которой онъ явился первымъ предшественникомъ людей семидесятихъ годовъ. Абсолютная телеологія создана не для человѣка, заявляетъ онъ; всѣ объективно-абсолютныя нормы подавляютъ собою человѣческую личность. «Идея—все, человѣкъ—ничего», «всеобщему надо жертвовать частнымъ»: противъ такихъ формулъ энергично возражаетъ Герценъ. «Разумѣется,—заявляетъ онъ,—есть отношенія, по которымъ всеобщее важнѣе частнаго; личность, противодѣйствующая всеобщему, попадаетъ въ глупое положеніе человѣка, бѣгущаго съ лѣстницы въ то самое время, какъ густая колонна солдатъ подымается на нее; таковы личности тирановъ, консерваторовъ, дураковъ и преступниковъ»... Недурное исключеніе, еще болѣе подтверждающее правило, что вообще говоря—личность важнѣе «всеобщаго», какъ отвлеченія и абстракціи. *Pereat mundus, fiat justitia* — гордо заявляютъ объективисты, презирающіе человѣческую личность, и купно съ ними нѣмецкіе гелертеры и филистеры; «они и не подумали,—ядовито комментируетъ Герценъ,—что если *mundus* погибнетъ, а *justitia* останется—гдѣ будетъ мюнхенская пинакотейка?»...

Этими статьями 1848 года заканчивается для Герцена эпоха его западничества, эпоха сороковыхъ годовъ. Впослѣдствіи онъ часто возвращался ко многимъ мыслямъ, затронутымъ въ его статьяхъ сороковыхъ годовъ, и развивалъ ихъ, не мѣняя существенно прежней точки зрѣнія (ср., напр., «По поводу одной драмы» съ прибавленіемъ къ ХLI-ой гл. «Былого и думъ»). Однако между Герценомъ тридцатыхъ-сороковыхъ и Герценомъ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ го-

довъ лежитъ цѣлая пропасть; эту пропасть вырыли событія 1847 — 1848 гг.

Въ 1847 г. Герценъ покинулъ Россію: онъ не могъ болѣе оставаться въ удушливой атмосферѣ эпохи официальнаго мѣщанства. Этическое мѣщанство одинаково претило Герцену: даже самые даровитые представители мѣщанства нагоняли на него тоску, пока онъ еще жилъ въ Россіи; онъ ненавидѣлъ все безличное, узкое и плоское, ненавидѣлъ тотъ духъ умѣренности и житейскаго благоразумія, въ которомъ самого его подозрѣвалъ когда-то Бѣлинскій. «Они умно разсуждаютъ, не отступая отъ данныхъ — говорилъ Герценъ про такихъ представителей мѣщанства,—они еще умнѣй поступаютъ, не сходя съ торной дороги... Все, чтò они говорятъ — истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; все, чтò они дѣлаютъ — хорошо, но они могли бы дѣлать что-нибудь иное... Все у этихъ господъ исправно, чинно, на мѣстѣ; они правильно любятъ добродѣтель и бѣгутъ порока; все у нихъ не лишено извѣстной прелести сѣренькаго лѣтняго дня, безъ дождя и солнца, а чего-то нѣтъ... а безъ того и все остальное не въ честь»... («Былое и думы»; II, 366 — 7). Это «что-то», конечно, та ярко выраженная, широкая и глубокая личность, которой не было и не могло быть у мѣщанъ. Среди безличной сѣрости эпохи официальнаго мѣщанства личность эта ярко проявлялась только у представителей русской интеллигенціи; Герценъ думалъ найти въ Западной Европѣ торжество индивидуальности надъ сѣрымъ началомъ мѣщанства. Вся трагедія жизни Герцена состояла въ томъ, что онъ бѣжалъ отъ страшнаго этического и официальнаго мѣщанства «рассейской дѣйствительности» и захлебнулся въ мѣщанствѣ европейской буржуазіи.

Чуть только перешагнувъ русскую границу, Герценъ сейчасъ же почувствовалъ, что онъ вырвался изъ цѣпей, но не ушелъ изъ атмосферы мѣщанства: официальное мѣщанство осталось позади, но мѣщанство этическое распустилось зато махровымъ цвѣтомъ. Первое впечатлѣніе Герцена отъ Европы — «мелкій, бездушный, скаредный развратъ торгаша», пропитавшій собою всю европейскую жизнь; первая его ненависть — къ «мелкой и грязной средѣ мѣщанства, которое, какъ тина, покрываетъ зеленью своей всю Францію»... Все это высказано Герценомъ еще въ посланныхъ изъ Парижа «Письмахъ изъ Avenue Marigny», напечатанныхъ въ «Современникѣ» за 1847 г. Эта ненависть Герцена къ буржуазіи сказалась слишкомъ рѣзко, чтобы ее могъ оставить безъ отвѣта Бѣлинскій, какъ-разъ въ это время возлагавшій всѣ свои надежды на западно-европейскую

буржуазію: «вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль», говорилъ въ это время Бѣлинскій (письмо къ Анненкову, 15 февр. 1848 г.). И эту же буржуазію Герценъ сравниваетъ съ грязной зеленью тины, затянувшей собою Францію! Въ отвѣтъ на это Бѣлинскій помѣстилъ нѣсколько строкъ въ своемъ «Взглядѣ на русскую литературу 1847 г.», въ которомъ между прочимъ разбираетъ и «Письма изъ Avenue Marigny». Въ этихъ письмахъ, замѣчаетъ Бѣлинскій, много живого, умнаго и вѣрнаго, такъ что, читая ихъ, нельзя во многомъ не согласиться съ авторомъ; однако «авторъ невольнo впалъ въ ошибочность при сужденіи о современномъ состояніи Франціи, тѣмъ, что слишкомъ тѣсно понялъ значеніе слова *bourgeoisie*. Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ только богатыхъ капиталистовъ и исключаетъ изъ нея самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословія»... Возраженіе это бьетъ совершенно мимо цѣли: во-первыхъ, потому, что Герценъ именно и говоритъ обо всей массѣ крупныхъ и мелкихъ буржуа, а во-вторыхъ, потому, что Герценъ не только не понимаетъ «слишкомъ тѣсно» слово «*bourgeoisie*», а какъ-разъ напротивъ — раздвигаетъ рамки этого термина и вмѣщаетъ въ него все *этическое мѣщанство*.

Терминъ «мѣщанство» употребляется Герценомъ въ двухъ смыслахъ: въ узкомъ, сословномъ и классовомъ, и въ широкомъ, внѣклассовомъ и внѣсословномъ; первое значеніе является только частнымъ случаемъ второго. Самый терминъ «мѣщанство» впервые введенъ именно Герценомъ; *Герценъ первый далъ понятію «мѣщанства» внѣсословное и внѣклассовое этическое значеніе, такъ что мы въ предлагаемомъ читателямъ трудѣ только слѣдуемъ за терминологіей гениальнаго родоначальника народничества*. Буржуазія для него только центръ мѣщанства, но мѣщанство—шире, ибо оно имѣетъ не сословный смыслъ и отнюдь не является переводомъ и замѣной термина «*bourgeoisie*», смыслъ котораго зиждется на социальнo-экономической почвѣ. Буржуазія—это прежде всего третье *сословіе*; далѣе, это общественный *классъ*, объединенный понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ «рентой» мы уже условились — см. Введеніе—понимать и собственно ренту и прибыль, т.-е. и доходъ землевладѣльцевъ и доходъ предпринимателей; такой терминологіи придерживались нѣкоторые экономисты и въ числѣ ихъ Родбертусъ). Мѣщанство, какъ этический терминъ, понятіе внѣсословное и внѣклассовое, на примѣръ, такое же, какъ и «интеллигенція»; также какъ и интеллигенція, мѣ-

щанство опредѣляется характеромъ своего отношенія къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ жизни: реагируя на нихъ, мѣщанство является безличнымъ, узкимъ и плоскимъ. Въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ писемъ къ Тургеневу, напечатанныхъ подъ заглавіемъ «Концы и Начала» въ «Колоколѣ» (съ 1 іюля 1862 г. по 15 февраля 1863 г.), Герценъ съ громадной художественной силой и съ неоставляющей сомнѣнія опредѣленностью обрисовалъ то этическое мѣщанство, ненависть къ которому двигала его перомъ съ первыхъ же его шаговъ по Европѣ. «*Мѣщанство* — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, — демократизація аристократіи, — аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро, — снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—*мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ — *будущій мѣщанинъ*»... Къ этому мѣщанству можетъ съ отвращеніемъ относиться искусство, находящее въ домѣ мѣщанина одну только вульгарность; мѣщанство это можетъ осуждать мыслитель, жаждущій видѣть личность въ человѣкѣ, — но попытки остановить торжествующій ходъ мѣщанства фатально обречены на неудачу. Сила мѣщанства въ его общедоступной узости и плоскости, въ его (по выраженію Герцена) «*толпаковой посредственности*», въ его безличности, въ его презрѣннѣи къ индивидуальности. «Съ мѣщанствомъ стираются личности; но стертые люди сытѣе, — иронизируетъ Герценъ; — платья дюжинныя, незаказныя, не по талии, но число носящихъ ихъ больше»... «Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но не допускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячеголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться, — это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ»^X Ни въ чемъ и никогда представитель этой сплоченной посредственности, этической мѣщанинъ, не переступитъ границъ: онъ вѣрный сынъ своей чинной среды. «*Чинный*—это настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта, и тѣ же самые: умѣренность и аккуратность»... И таковъ каждый изъ членовъ этой сплоченной посредственности, представляющей въ общемъ «подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ мириадъ мѣщанской мелкоты»... («Концы и Начала»; письма 1 и 2-е).

Мысли эти особенно ясно сложились у Герцена послѣ знакомства съ книгой Милля (см. статью Герцена: «Книга Дж. Ст. Милля о свободѣ»; «Колоколь», 15 апр. 1859 г.), въ которой онъ нашель рельефно сформулированнымъ то, что уже съ 1848 г. постоянно приходило ему въ голову. «Постоянное пониженіе личностей, вкуса, тона, пустота интересовъ, отсутствіе энергіи ужаснули его,—пишетъ въ этой статьѣ Герценъ про Милля, — онъ присматривается и видитъ, какъ ясно все мельчаетъ, становится дюжинное, рядское, стертое, пожалуй, «добро-норядочнѣе», но пошлѣе. Онъ видитъ... что вырабатываются общіе стадные типы, и, серьезно качая головой, говоритъ своимъ современникамъ: остановитесь, одумайтесь, знаете ли, куда вы идете, посмотрите — *душа убываетъ*»... «...Несмотря на умственное превосходство нашего времени, все идетъ къ *посредственности*, лица теряются въ толпѣ. Это collective mediocrity ненавидитъ все рѣзкое, самобытное, выступающее; она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень. А такъ какъ въ *среднемъ* разрѣзѣ у людей немного ума и немного желаній, то сборная посредственность, какъ топкое болото, понимаетъ, съ одной стороны, все желающее вынырнуть, а съ другой — предупреждаетъ беспорядокъ эксцентричныхъ личностей воспитаніемъ новыхъ поколѣній въ такую же вялую посредственность»... Здѣсь *впервые* ярко и выпукло выставлена мысль объ *этическомъ* противоположеніи индивидуализма и мѣщанства. Все индивидуальное—и въ смыслѣ отдѣльной самобытной черты, и въ смыслѣ суммы общечеловѣческихъ чертъ, т.-е. все индивидуальное и въ глубину и въ широту—ненавистно мѣщанству, которому здѣсь чуть ли не помогаетъ сама природа, ибо «красота, талантъ—вовсе ненормальны; это исключеніе, роскошь природы... (но и) въ самой природѣ, можно сказать, бездна мѣщанскаго» (запомнимъ, кстати, это положеніе: мы еще встрѣтимся съ развитіемъ его у Михайловскаго)... А потому мѣщанство все болѣе и болѣе поглощаетъ все отмѣченное знакомъ индивидуальности. «Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, *безпокойное*, эксцентрическое,—такъ характеризуетъ Герценъ всю исторію европейскаго развитія въ XIX-мъ вѣкѣ:—люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, проще врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ. Индивидуальности терялись, какъ брызги водопада, въ общемъ потокѣ, не имѣя даже слабаго утѣшенія: блеснуть и отличиться, проходя полосой радуги. Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ,—а не въ лицѣ»... («Концы и Начала», письмо 7-е). Конечно, для Герцена

какъ-разъ наоборотъ — дѣло въ лицѣ, а не въ типѣ и родѣ; такимъ образомъ и примать реальной личности, т.-е. индивидуализмъ соціологической, связанъ у Герцена неразрывными нитями съ его анти-мѣщанствомъ.

Мало писателей, у которыхъ анти-мѣщанство выражалось бы столь красочно, сильно и рельефно, какъ у Герцена; мало людей, у которыхъ ненависть къ мѣщанству была такъ органически соединена со всѣмъ существомъ, съ послѣднимъ святая святыхъ человѣка. У Герцена было все это, но было еще нѣчто и сверхъ того: *анти-мѣщанство стало основою его міровоззрѣнія, фундаментомъ, на которомъ было имъ построено гармоничное зданіе народничества.* Анти-мѣщанство Герцена было первымъ побудительнымъ толчкомъ къ созданію той теоріи русскаго социализма, народничества, гениальнымъ родоначальникомъ которой былъ именно онъ.

Герценъ попалъ въ Европу наканунѣ февральской революціи, этой кровавой битвы демократіи съ мѣщанскою буржуазіей; въ страшные дни 24, 25, 26 іюня буржуазія, казалось, безповоротно побѣдила... Теперь мы ясно видимъ, что окончательная и рѣшительная побѣда буржуазіи въ лицѣ Кавеньяка была въ сущности пирровой побѣдой; мы теперь знаемъ, что 1848 годъ — годъ появленія знаменитаго Манифеста — былъ годомъ не похоронъ, а рожденія побѣдоноснаго врага буржуазіи и мѣщанства; и если умеръ социализмъ утопическій, то родился социализмъ реальный, наиболее опасный для мѣщанства Западной Европы. Оговоримся: мы не противопоставляемъ этически социализмъ мѣщанству, мы нисколько не утверждаемъ, что въ самомъ социализмѣ не можетъ быть элементовъ мѣщанства. При широкомъ распространеніи и вульгаризаціи социализма мѣщанство фатально въ него проникаетъ, такъ что «буржуазный социализмъ» и «мѣщанскій социализмъ» фактически не есть, къ сожалѣнію, *contradictio in adjecto*; все это не измѣняетъ однако анти-мѣщанской исторической роли социализма въ Западной Европѣ. Если бы Герценъ могъ заглянуть на полъ-вѣка впередъ, то, быть можетъ, онъ не отчаялся бы, не счелъ бы демократію похороненной и утопленной въ крови іюньскихъ дней; но событія 1848—1851 гг. не могли въ этомъ отношеніи служить благоприятными предзнаменованіями. Казалось, что все погибло. Февральская революція встряхнула болото мѣщанства, но 1848 г. покончилъ съ «утопизмомъ» надолго... если не навсегда; Европа снова погрязла въ мѣщанствѣ и нѣтъ основанія утѣшаться мыслью, что такое положеніе вещей можно измѣнить. Такъ думалъ тогда Герценъ — и написалъ свою гениальную книгу «Съ того берега»

(1848 — 1849 гг.). Съ этой книги можетъ вести свою эру народничество, такъ какъ мы находимъ въ этомъ произведеніи не только отрицательную сторону — беспощадную критику западно-европейскаго мѣщанства, но и указанія на положительные идеалы — вѣру въ возможность иного, не мѣщанскаго пути развитія для Россіи. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ — «Русскій народъ и социализмъ», «Старый міръ и Россія», во многихъ мѣстахъ «Былого и думъ», наконецъ съ 1855 г. въ «Колоколѣ» и «Полярной Звѣздѣ» — все громче раздаются, все рельефнѣе выступаютъ у Герцена тѣ социалистическіе мотивы народничества, которые сохранили все свое обаяніе и всю свою силу для русской критической мысли въ теченіе трехъ десятилѣтій.

Герценъ начинаетъ съ того, что ставитъ крестъ надъ всѣмъ европейскимъ буржуазно-мѣщанскимъ міромъ. Въ Европѣ мѣщанство окончательно побѣдило; средневѣковый рыцарь превратился въ современнаго мѣщанина-буржуа. «Какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра; господа замѣнились *хозяевами*. Купецъ самъ по себѣ лицо стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ, и другимъ, который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто въ родѣ дороги, поправки, средства. Рыцарь былъ больше *онъ самъ*, больше лицо, и берегъ, какъ понималъ, свое достоинство, оттого-то онъ въ сущности и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его личность была главное; въ мѣщанинѣ личность прячется или не выступаетъ, потому что не она главное: главное товаръ, дѣло, вещь, главное *собственность*»... И на этомъ фундаментѣ на мѣстѣ рыцарскаго замка теперь возвышается мѣщанская гостинница. «Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вѣжливость — чопорностью, гордость — обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостинницами, открытыми для *всѣхъ*, т.-е. для всѣхъ имѣющихъ деньги»... («Былое и думы», ч. V; «Западные арабески», тетр. II, Post-Scriptum; эти «Западные арабески» являются прямымъ и естественнымъ продолженіемъ и окончаніемъ неоконченной Герценомъ статьи «Объ историческомъ развитіи чести», о которой мы говорили выше). И мѣщанство это — не только буржуазія, не только представители ренты и пропріетары; нѣтъ, весь западно-европейскій міръ, отъ дна до вершинъ развращенный стремленіемъ къ собственности, въ цѣломъ своемъ является мѣщанскимъ. «Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство, — объ этомъ можно бы было спорить, если-бъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ

этомъ, нельзя не видѣть всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку»... Такимъ образомъ буржуазія стоитъ въ центрѣ мѣщанства, но мѣщанство неизбѣжно переступаетъ сословную черту; переступивъ ее, оно разлилось широкимъ потокомъ по всей Европѣ: и буржуа, и пролетарій, и родовой аристократъ — всѣ заражаются ядомъ мѣщанства; и только немногіе одиночные представители лучшей части интеллигенціи могутъ избѣжать этой эпидемической болѣзни, что «несколько не мѣшаетъ всему образованному міру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство — идеаль, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна»... (Это ироническое подчеркиваніе совмѣщенія образованности съ мѣщанствомъ, впоследствии, у Лаврова, обратилось въ детальную разработку вопроса — насколько мѣщанство совмѣстно съ истинной интеллигентностью? Въ Введеніи мы подробно остановились на этомъ вопросѣ).

«Да, любезный другъ, — продолжаетъ Герценъ, — пора прійти къ покойному и смиренному сознанию, что *мѣщанство* окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннѣйшее»... («Концы и Начала», письма 1-ое и 7-ое). Мѣщанство все залило, все заполонило; фатально правъ оказался аббатъ Сійесъ — съ горечью замѣчаетъ Герценъ — своимъ заявленіемъ, что *tiers état* должно быть *всѣмъ*. Такъ и случилось. Революція 1789 г. успокоилась въ болотѣ умѣренного экономическаго и политическаго либерализма: христіанство еще долго до того бросило якорь въ покойной гавани реформаціи; все обмельзло, все закруглилось, все вылилось въ узкія формы... И нѣтъ никакого просвѣта въ будущее. Напрасна надежда на западно-европейскій пролетаріатъ: онъ борется не съ мѣщанствомъ, а съ буржуазіей; его идеалы лежатъ тамъ же, гдѣ и идеалы мѣщанства. «Съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой — неимущіе *мѣщане*, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы»... («Западная арабески»). Все это горько высказывать о западной Европѣ, къ которой идеалисты тридцатыхъ и реалисты сороковыхъ годовъ относились съ такимъ теплымъ, любовнымъ чувствомъ; не удивительно поэтому, что мнѣнія Герцена, этого послѣдняго западника, вызвали горячій отпоръ и даже негодованіе эпигоновъ западничества, либеральныхъ доктринеровъ (см., напр., «Концы и Начала», письмо 8-ое). Но, говоритъ Герценъ, *amicus Plato, sed magis amica veritas*; «Европа намъ нужна какъ идеаль, какъ упрекъ, какъ благой

примѣръ; если она не такая — ее надо выдумать», перефразируетъ онъ знаменитыя слова Вольтера; но какимъ же примѣромъ, какимъ идеаломъ можетъ служить мѣщанство? А мѣщанство это — окончательная форма европейской цивилизаціи; какъ это ни претитъ, а приходится сознаться, «что всѣ рѣки исторіи (по крайней мѣрѣ въ западныхъ) текутъ въ мареммы мѣщанства»... («Письмо изъ Неаполя», 5 окт. 1863 г.; курсивъ нашъ). А въ болотѣ мѣщанства — смерть общества, начало его гніенія и разложенія: «мѣрѣ, въ которомъ мы живемъ, умираетъ;... никакія лекарства не дѣйствуютъ болѣе на обветшалое тѣло его» («Съ того берега», гл. I). И только одна надежда не покидаетъ Герцена — надежда на возможность особаго соціально-экономическаго пути развитія Россіи; въ этомъ — начало его народничества.

Михайловскій какъ-то выразился, что соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи. Съ утопіи началъ и Герценъ, вѣря, что не всѣ рѣки исторіи текутъ въ болота мѣщанства: мы видѣли, что онъ сдѣлалъ условное исключеніе для восточныхъ рѣкъ. Это была вѣра въ дѣвственныя, незараженныя мѣщанствомъ силы русскаго народа, вѣра въ «крестьянскій тулупъ», какъ говорилъ Тургеневъ, а за нимъ и эпигоны западничества, вѣра «въ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской и калмыцкой крови», какъ иронизировалъ К. Марксъ (въ I-мъ томѣ перваго изданія «Капитала»). Герценъ, дѣйствительно, настолько же вѣрилъ въ свѣтлую будущность Россіи, насколько былъ убѣжденъ въ неминуемомъ и ближайшемъ разложеніи западно-европейскаго міра. Прошедшее Россіи изумительно, настоящее — великолѣпно, будущее — невообразимо: такова была, какъ мы знаемъ, формула высшихъ представителей официальнаго мѣщанства; прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, будущаго у нея вовсе нѣтъ — слышали мы въ отвѣтъ на эту похвалю горькія слова Чаадаева. «Прошлое русскаго народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее», отвѣтилъ Герценъ и официальнымъ оптимистамъ и отчаявшимся пессимистамъ («Русскій народъ и социализмъ»); будущее Россіи въ томъ, что она избѣгла зараженія ядомъ мѣщанства, ибо «мѣщанство — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности», а въ Россіи типичной является не частная, а общинная собственность. Герценъ вѣрилъ въ коренное анти-мѣщанство русскаго народа и вообще всего славянства; его поддерживала надежда возможности отсутствія буржуазіи въ Россіи или по крайней мѣрѣ ея существованія въ качествѣ *quantité négligeable*. Отсюда двѣ характерныя

стороны его народничества: отрицательная—борьба съ либеральнымъ доктринаризмомъ, положительная—проповѣдь освобожденія крестьянъ *съ землей*, находящейся въ общинномъ пользованіи; въ первомъ случаѣ Герценъ категорически разошелся съ молодымъ западничествомъ, во второмъ—онъ настолько же приблизился къ славянофильству.

Либерализмъ (политическій и экономическій) былъ для Герцена гѣмъ *bête noire*, на котораго были постоянно направлены его удары. Въ рядѣ блестящихъ статей «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе» (1859 г.) онъ беспощадно обрушился на эпигоновъ западничества, стремившихся къ освобожденію крестьянъ безъ земли, къ созданію массы крестьянскаго пролетаріата, къ сформированію крупной буржуазіи. Но именно это и страшило Герцена, въ этомъ-то онъ и видѣлъ опасность зараженія Россіи мѣщанствомъ: «господство мѣщанства — писалъ Герценъ въ «Концахъ и Началахъ»—отвѣтъ на *освобожденіе безъ земли*, на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ»... Къ этому сводилось все стремленіе «западныхъ доктринеровъ», у которыхъ Герценъ находитъ только рубрики, графаретки и шаблоны, вѣру во французскую централизацию и во всемілие нѣмецкой Schul-Wissenschaft. Съ этими «западными старобрядцами» Герценъ не желаетъ имѣть ничего общаго и подчеркиваетъ свою эволюцію въ направленіи отъ западничества: «мы—*живые*, т.-е. измѣняющіеся

теченіемъ времени,

стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старобрядцамъ»... Эпигоны западничества со своимъ политическимъ и экономическимъ либерализмомъ впади въ самое безпросвѣтное мѣщанство; они слѣпо слѣдовали своимъ западнымъ образцамъ. Экономической идеологіей либерализма всюду было фритредерство; онъ провозгласилъ въ Европѣ, начиная съ 1789 г., всеобщее «право на трудъ» и видитъ въ свободѣ конкуренціи панацею отъ всѣхъ золъ—*laissez faire, laissez passer!* И въ то время, когда казалось, что либерализмъ окончательно восторжествовалъ, когда потоки крови 1848 года окончательно залили молодое растеніе утопизма на мѣщанской почвѣ Запада—вдругъ на варварскомъ востокѣ «представляется русскій вопросъ *объ освобожденіи крестьянъ съ землею, объ общинномъ владѣніи!*» Понятно отношеніе Герцена къ этому, какъ му казалось, ярко анти-мѣщанскому факту, «сильно пахнущему социализмомъ»; теперь для Герцена—*ex Oriente lux!* На Западъ, про-

низируетъ Герценъ, либерализмъ додумался до права каждаго на работу, права на трудъ, и дальше этого не пошелъ; теперь русскій «крестьянскій тулупъ» даетъ дальнѣйшее и болѣе радикальное рѣшеніе вопроса. Въ общій ходъ всемірной исторіи «мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу, но право на землю?*..» Это право на землю вросло корнями въ сознаніе русскаго народа, такъ что даже въ разгарѣ крѣпостного права создалась характерная, приводимая Герценомъ и извѣстная уже намъ изъ «Записокъ» декабриста Якушкина, крестьянская поговорка: «мы господскіе, а земля наша». Право на землю въ связи съ общиннымъ владѣніемъ ею дастъ Россіи возможность избѣгать возникновенія сильной буржуазіи и поведетъ русскій народъ по особому пути развитія, къ которому тщетно стремились въ Европѣ социалисты. Если прибавить къ этому, что самоуправленіе русскихъ общинъ рѣшаетъ, по мнѣнію Герцена, самымъ удовлетворительнымъ образомъ насущную потребность въ децентрализаціи и приближаетъ этимъ общину къ типу свободной, самоуправляющейся коммуны, то станетъ ясно, на что именно возлагаетъ Герценъ свои надежды. «Итакъ,—резюмируетъ онъ,—элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономического переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ

1. *Права каждаго на землю,*
2. *Общиннаго владѣнія ею,*
3. *Мірскаго управленія.*

На этихъ началахъ, и только на нихъ, можетъ развиваться будущая Русь («Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе»; «Колоколь», 15 декабря 1859 г.). Еще гораздо раньше, въ «Полярной Звѣздѣ» на 1856 г. Герценъ высказывалъ то же самое: «артель и сельская община,—писалъ онъ,—раздѣлъ прибѣтка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе сель въ волости, управляющіяся сами собой—вотъ краеугольные камни, на которыхъ соизидется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта»... (см. «Былое и думы», II, 316).

Мы внимательно прослѣдимъ за развитіемъ этихъ социалистическихъ основоположеній народничества русской интеллигенціей пятидесятихъ — семидесятихъ годовъ; мы укажемъ тогда, что какіе бы удары ни нанесла теоріямъ Герцена историческая дѣйствительность—все-таки въ его время правда была на его сторонѣ, а не на сторонѣ

его либеральныхъ противниковъ. Подобно Герцену (и всѣмъ вождямъ народничества), мы признаемъ за категоріей возможности право существованія на ряду съ категоріей необходимости; хотя народники иногда злоупотребляли приматомъ первой категоріи надъ второй, но это было только реакціей на полное отрицаніе категоріи возможности ихъ противниками, представителями экономического либерализма. Въ этомъ отношеніи (и только въ этомъ) либерализмъ пятидесятихъ годовъ былъ предтечей русскаго марксизма девяностыхъ годовъ въ его соціологическихъ построеніяхъ. Полное отрицаніе роли личности въ историческомъ процессѣ, отрицаніе категоріи возможности, детерминизмъ, обращающійся въ фатализмъ — вотъ главныя черты либерализма, которыя особенно оспаривались Герценомъ. Самъ онъ никогда не былъ индетерминистомъ, но въ то же время никогда не считалъ личность за *quantité négligeable*; онъ постоянно подчеркивалъ границу, раздѣляющую возможное отъ необходимаго, но въ то же время признавалъ вѣсомость въ историческомъ процессѣ свободы человѣческой личности. «Ученый фатализмъ утверждаетъ, что у нихъ и рѣчи нѣтъ о личностяхъ, о *случайныхъ* носителяхъ идеи—пишетъ Герценъ въ своей статьѣ о «Робертѣ Оуэнѣ»: — ...Доктринеры, видите, какъ большіе господа, хозяйствомъ исторіи распоряжаются en gros, гуртомъ»... А между тѣмъ человѣческое стадо состоитъ изъ тѣхъ же отдѣльныхъ личностей, прибавляетъ Герценъ. Однако, онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія соціологическаго номинализма; онъ только желаетъ подчеркнуть взаимодействіе между индивидомъ и соціальной средой. Если же признать такое взаимоотношеніе, то вполне естественно прійти къ заключенію, что историческій процессъ хотя и не управляется личностями, но въ отдѣльныхъ случаяхъ (особо благоприятныхъ) можетъ направляться ими: «пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманіемъ, съ личной энергіей. Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляютъ личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодействіе» («Письма къ старому товарищу», 1869 г., письмо третье). Иными словами, это является признаніемъ категоріи возможности въ ея примѣненіи къ историческому процессу, при одновременномъ признаніи и категоріи необходимости: «само собою разумѣется, — заявляетъ Герценъ, — что мы никогда не смѣшивали предопредѣленій съ теоріей вѣроятности, мы въ правѣ наведеніемъ дѣлать посылки отъ прошедшаго къ будущему»... Однако всегда надо учитывать *возможность* появленія какого-нибудь «если не»... Видя человѣка тридцати лѣтъ, мы можемъ предвидѣть необходимый ходъ его физическаго раз-

витія,—замѣчаетъ Герценъ,— можемъ утверждать, что черезъ другія тридцать лѣтъ онъ будетъ сѣдъ или плѣшивъ, *если не умретъ*, хотя бы въ возрастѣ тридцати пяти лѣтъ... («Робертъ Оуэнъ», гл. V. Въ историческомъ процессѣ, въ жизни народовъ, еще чаще имѣютъ мѣсто тѣ пересѣченія причинныхъ рядовъ, которыя вносятъ въ этотъ процессъ развитія элементъ возможнаго; «говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*,—подчеркиваетъ Герценъ;—что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли... («Еще вариация на старую тему»; письмо къ Тургеневу, 3 февр. 1857 г.). Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что личная энергія и воля всегда въ состояніи достигнуть цѣли своего стремленія: «одно стремленіе ничего не обезпечиваетъ, *на разницу возможнаго и неминуемаго мы ужасно напираемъ*»... («Робертъ Оуэнъ», гл. V; курсивъ нашъ). Подобно Лейбницу, Герценъ видѣлъ вокругъ себя много «неосуществленныхъ возможностей» — достаточно сравнить это выраженіе Лейбница со словами Герцена: «возможностей много впереди»... (ibid.),—но въ то же время онъ усиленно подчеркивалъ, какъ видимъ, что не всякая возможность можетъ быть осуществленной. Оцѣнка философскаго и гносеологическаго значенія подобной теоріи выходитъ за предѣлы нашей задачи; мы обратимся поэтому къ примѣненію Герценомъ своихъ теоретическихъ взглядовъ къ вопросу объ особомъ пути развитія Россіи.

Россія *можетъ* миновать ту полосу мѣщанства, въ которой невылазно завязла Европа, Россія *можетъ* пойти своимъ особымъ путемъ развитія — вотъ краеугольное, основное положеніе всего народничества, впервые сформулированное Герценомъ; въ этомъ подчеркиваніи возможности и только возможности особаго пути заключается главное отличіе по этому вопросу народничества отъ славянофильства, убѣжденнаго въ неизбѣжности и долженствованіи подобнаго пути; славянофильство принимало за аксіому то, въ доказательствахъ чего изошрялось народничество. Мы отчасти уже познакомились со взглядами Герцена на вопросъ объ особомъ пути развитія Россіи и видѣли въ чемъ, по его мнѣнію, долженъ заключаться этотъ особый путь: Герценъ ждалъ отъ Россіи анти-мѣщанскаго, не-буржуазнаго пути развитія. Европа, по его мнѣнію, близка къ «насыщенію» мѣщанствомъ, она стремится «осѣсть, скристаллизоваться, найдя свое прочное общественное положеніе *въ мѣщанскомъ устройствѣ*»... Если это случится, то вся Европа, какъ это уже случилось съ Голландіей, типично мѣщанскою страной, успокоится до прекращенія исторіи, достигнетъ для всѣхъ благосостоянія мелкихъ лавочниковъ и небогатыхъ

хозяевъ средней руки, успокоится на мѣщанствѣ. «Такъ это, пожалуй, все человѣчество дойдетъ до мѣщанства, да на немъ и застрянетъ?—Не думаю, чтобы все, а нѣкоторыя части навѣрно... Мы можемъ сказать одно, что нѣкоторымъ народамъ мѣщанское устройство противно, а другіе въ немъ какъ рыба въ водѣ. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русскіе имѣютъ въ себѣ очень мало мѣщанскихъ элементовъ; общественное устройство, въ которомъ имъ было бы привольно, выше того, которое можетъ имъ дать мѣщанство»... (Ibid.). Герценъ сейчасъ же оговаривается, что хотя эти народности *могутъ* достигнуть анти-мѣщанскаго устройства, однако изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что они дѣйствительно *достигнутъ* этого «высшаго состоянія» — высшаго, конечно, не по степени, а по типу, если употребить позднѣйшую терминологию Михайловскаго. (Кстати сказать, въ IV-ой гл. «Варіацій» статьи «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе» можно найти эту теорію степеней и типовъ развитія въ ея зародышевомъ видѣ). Итакъ, возможность не есть еще неизбѣжность: но Герценъ именно и стремится доказать самую возможность особаго пути развитія Россіи, а значить прежде всего опровергнуть противоположные доводы, доказывающіе неизбѣжность и необходимость развитія Россіи по общему пути европейскихъ народовъ. Борьба съ этими доводами была первой существенной задачей народившагося народничества; именно на этотъ пунктъ сосредоточилъ всѣ свои громадныя силы Чернышевскій, почти одновременно съ Герценомъ: оба они, независимо другъ отъ друга, одинаковыми аргументами разбивали стоящую у нихъ на дорогѣ теорію. Мы скоро увидимъ, насколько доводы Чернышевскаго совпадаютъ въ этомъ пунктѣ съ аргументами Герцена. «...Должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? — спрашиваетъ Герценъ, и отвѣчаетъ:—я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ; но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ, это—круговая порука прогресса, маіоратъ человѣчества»... («Старый міръ и Россія», письмо третье, 20 февраля 1854 г.). «Европа перешла отъ скверныхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ къ желѣзнымъ дорогамъ, замѣчаетъ Герценъ въ другой разъ.—У насъ и теперь прескверные пути сообщенія,—что же, намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги?» («Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе»). Въ восьмомъ письмѣ

изъ «Концовъ и Началь» Герценъ выводитъ на сцену представителя либеральнаго доктринерства, иронизирующаго надъ Герценомъ за то, что послѣдній, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворилъ себѣ новый кумиръ во образѣ бараньяго тулупа и славословить его: «абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, социальный! Эта вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи приводитъ въ негодованіе эпигона западничества и онъ утверждаетъ, что для Герцена «исторія, филологія, статистика, неотразимые факты ...ничемъ».

— Позвольте, однако, — спрашиваетъ Герценъ, — какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum*, и, слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физиологіи должны идти по той же дорогѣ*. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ...—иронически заканчиваетъ Герценъ этотъ разговоръ. Утка не дышетъ жабрами, какъ рыба—это вѣрно; еще безспорнѣе, что камень не летаетъ какъ птица, но что можно доказать подобными аргументами? Впрочемъ, даже и этотъ аргументъ, полагаетъ Герценъ, только подкрѣпляетъ его воззрѣніе, если припомнить, что въ своемъ эмбриональномъ развитіи утка прошла и *черезъ* жаберное строеніе легкихъ. Рыба приладилась къ окружающимъ ее условіямъ и остановилась на жабрахъ, утка пошла въ своемъ развитіи дальше; какимъ же образомъ это рыбье дыханіе можетъ сдунуть воззрѣніе Герцена? «Въ *genus europaeum* есть народы, состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ,—отчего же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?»... Этимъ народомъ, по мысли Герцена, и будетъ русскій народъ. Здѣсь Герценъ—и это важно отмѣтить—уже допускаетъ, что въ своемъ развитіи Россія, можетъ быть, *пройдетъ* полосою мѣщанства (восьмое письмо изъ «Концовъ и Началь», написано въ 1863 г.). Мы увидимъ впослѣдствіи, что здѣсь прозвучала у Герцена первая нота разочарованія, слышалось боязливое опасеніе за исполнимость чаяній и упованій теоріи... Здѣсь впервые оптимистическое народничество Герцена дало начало критическому и пессимистическому народничеству семидесятыхъ годовъ.

Итакъ, Герценъ тщательно доказывалъ возможность особаго пути развитія Россіи, во многихъ отношеніяхъ предвосхищая доводы автора «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» (1859 г.), и въ то же время—и это особенно интересно отмѣтить— во многихъ отношеніяхъ повторяя положеніе автора «Философическихъ писемъ», который еще за четверть вѣка до этого пришелъ, какъ мы помнимъ, къ двумъ основнымъ выводамъ: во-первыхъ, Россія «должна разрѣшить нѣкогда всѣ вопросы, о которыхъ спорить Европа», возможность чего подкрѣпляется тѣмъ, что «мы пришли послѣ другихъ, чтобы сдѣлать лучше ихъ»... Мы видѣли только-что, что именно эти два положенія легли въ основу мысли Герцена о возможности особаго пути развитія Россіи, причемъ псевдо-мистическое пониманіе этой возможности Чаадаевымъ Герценъ замѣнилъ пониманіемъ вполне реалистическимъ. Въ переводѣ на конкретный языкъ эта возможность означала собою, какъ мы уже видѣли выше, развитіе общиннаго начала до его наиболѣе высокой степени, минуя полосу капиталистическаго развитія. По вопросу объ общинѣ Герценъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху обостреннаго спора между славянофилами и западниками, во многомъ раздѣлялъ воззрѣнія первыхъ. Глубоко интересное мѣсто находимъ мы въ его «Дневникѣ» отъ 21 февраля 1844 г., гдѣ онъ высказываетъ мысли по поводу книги Штура «*Untergang der Natur-Staaten*». Германецъ внесъ въ міровую исторію сѣмена индивидуализма, пишетъ Герценъ: «личность вотъ идея, которую онъ вноситъ въ міръ, и, исчерпавъ все необъятное содержаніе своей мысли, онъ, будто оканчивая свое призваніе, какъ завѣщаніе будущему, оставляетъ *Déclaration des droits de l'homme*. Не имѣли бы мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ»... Еще въ 1844 г. Герценъ, очевидно не безъ вліянія Чаадаева и славянофильства, задавался вопросомъ, вызвавшимъ впоследствии зарожденіе народничества; тогда же онъ уже созналъ необходимость синтеза славянофильства и западничества, чѣмъ опять-таки заложилъ въ зданіи народничества первый камень. «Странное положеніе мое,—пишетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ» 17 мая 1844 г.,—какое-то невольное *juste-milieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я челоуѣкъ запада, передъ ихъ врагами—челоуѣкъ востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся»... Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все ближе и ближе подходилъ Герценъ къ славянофиламъ по вопросу объ общинѣ; онъ при-

зналъ, что «труды славянофиловъ» подготовили матеріалъ для пониманія,—имъ принадлежитъ честь и слава почина. Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго... за-токъ самобытнаго будущаго развитія» (*Repetitio est mater studiorum*), «Колоколь» 15 сентября 1861 г.). И въ то же время тѣмъ дальше отходилъ Герценъ отъ «западныхъ старообрядцевъ», отъ эпигоновъ западничества, либеральныхъ доктринеровъ: «чѣмъ больше—говоритъ онъ—западная партія удалялась отъ реальной почвы и переносила шатры свои въ абстрактную науку, тѣмъ тверже становились славяне на практической грунтъ. Вопросъ объ общинномъ владѣніи, по счастью, вывелъ ихъ изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню»... («Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе»). Герценъ взялъ отъ славянофильства все цѣнное, не запачканное консервативнымъ доктринерствомъ, и положилъ въ основаніе своего народничества; онъ сохранилъ въ то же время все цѣнное отъ стараго западничества, еще не окрашеннаго либеральнымъ доктринерствомъ. «Все это вовсе не утопія,—говорилъ онъ про возможность особаго, не-мѣщанскаго пути развитія Россіи;—элементы основанія у насъ даны: *народный русскій бытъ и наука запада*... Безъ предрасположеннаго народнаго быта общественная наука теряется въ социальномъ бредѣ; безъ всеобобщающей науки народный русскій бытъ возводится въ бредъ славянофильства («Колоколь», 1 января 1864 г.; передовая статья). Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ народничество Герцена было очевиднымъ синтезомъ славянофильства и западничества и притомъ именно органическимъ синтезомъ, а не механическимъ смѣшеніемъ. Такой же синтезъ сказался и въ воззрѣніяхъ народничества Герцена на личность, въ его отношеніи къ проблемѣ индивидуализма.

Рѣшеніе этой проблемы въ ярко индивидуалистическомъ духѣ мы видѣли еще у Герцена сороковыхъ годовъ; но и послѣ 1848 г. Герценъ не измѣнилъ этого рѣшенія, а только придалъ ему большую опредѣленность, углубилъ его со стороны социологической. Первый толчекъ былъ данъ опять-таки теоріей общиннаго устройства: необходимо было снова поставить на очередь весьма неудовлетворительно рѣшаемый славянофилами вопросъ о положеніи личности въ общинѣ. Еще въ 1853 году въ статьѣ «Крещеная собственность» Герценъ писалъ: «говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несомнѣстна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякій неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо»... Развитіе общиннаго начала и полная свобода личности въ общинѣ—это еще требующая разрѣшенія задача; нужно прежде всего рѣшить вопросъ, «есть ли...

поглощеніе лица въ общинѣ — *необходимое, неминуемое* послѣдствіе общиннаго землевладѣнія, или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще,—и въ такомъ случаѣ, какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?» Задача двойная: «чтобъ у свободной личности *земля осталась подъ ногами* и чтобы общинникъ былъ совершенно *свободное лицо*» («Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе»). Положеніе личности въ общинѣ—это вопросъ специфически русскій, параллельный проблемѣ взаимоотношенія личности и общества въ западно-европейскомъ мірѣ; оба эти вопроса пока неразрѣшены, а можетъ быть и вообще неразрѣшима. Въ Россіи личности не легко въ общинѣ—это Герценъ признаетъ, вопреки славянофиламъ; западники думали, что личности легче въ мѣщанскомъ государствѣ Европы, «теперь мы знаемъ, что и тамъ тяжело,—заявляетъ Герценъ:—оттого, что и тамъ не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность, вопросъ объ отношеніи лица къ обществу и общества къ лицу», вопросъ, рѣшеніе котораго составляетъ всю суть социализма («Крещеная собственность»). Въ третьемъ письмѣ изъ «Старый міръ и Россія» (20 февр. 1854 г.) Герценъ еще яснѣ ставитъ вопросъ: «сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство, вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т.-е. вопросъ той же социальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада. Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи. Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное. Россія—изуродованное и дикое... Народы англо-саксонскіе освободили лицо насчетъ общественной круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка... Рѣшенія этой антиноміи для русской общины Герценъ не далъ, но вполне принялъ то рѣшеніе, которое впервые было сформулировано Кавелинымъ въ 1859 г. (см. объ этомъ т. II, гл. I) и заключалось въ разграниченіи общины поземельной и административной.

Общее рѣшеніе проблемы индивидуализма было углублено Герценомъ, какъ мы сказали, въ социологическихъ теоріяхъ, сложившихся уже послѣ 1848 года и впервые красочно сформулированныхъ въ его гениальной книгѣ «Съ того берега». Такихъ книгъ немного во всей русской литературѣ XIX-го вѣка, и недаромъ Герценъ признавалъ эту книгу лучшимъ изъ всего написаннаго имъ (если исключить «Былое

и думы»). Въ этой книгѣ впервые послѣ Чаадаева въ русской литературѣ затронуть цѣлый рядъ захватывающихъ проблемъ изъ областей социологіи и философіи исторіи; проблемы эти были не только затронуты, но и разработаны послѣдующимъ народничествомъ: здѣсь Герценъ вступилъ на дорогу, которую впервые проложилъ Чаадаевъ и по которой вслѣдъ за Герценомъ пошли его непосредственные продолжатели — Лавровъ и Михайловскій. Что такое прогрессъ? — вотъ основной вопросъ социологіи и философіи исторіи, отъ того или иного рѣшенія котораго зависитъ и социологически обоснованное рѣшеніе проблемы индивидуализма. Въ своей книгѣ «Съ того берега» Герценъ впервые поставилъ рѣшеніе проблемы индивидуализма въ зависимость отъ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда социально-философскихъ вопросовъ. Этимъ онъ сразу углубил постановку проблемы индивидуализма и сдѣлалъ рѣшеніе ея устойчивымъ, обоснованнымъ, а не висящимъ въ воздухѣ, какъ это было и у западниковъ, и у славянофиловъ.

Герценъ, независимо отъ вліянія Чаадаева, неизбежно былъ приведенъ къ постановкѣ социально-философскихъ вопросовъ тѣмъ, что онъ испыталъ съ первыхъ же мѣсяцевъ своего пребыванія въ Европѣ. Сразу подхваченный волной бурнаго историческаго процесса и оставленный ею на мели послѣ полнаго крушенія своихъ завѣтныхъ надеждъ и упованій, Герценъ не могъ не задаться старымъ чаадаевскимъ вопросомъ: въ чемъ гарантіи тождества историческаго *процесса* съ *прогрессомъ*? Поставивъ такой вопросъ, онъ не колеблясь рѣшилъ его въ отрицательномъ смыслѣ и подтвердилъ такое рѣшеніе рѣзкой критикой понятія «прогресса» и телеологичности его. Прогрессомъ обычно называютъ движеніе историческаго процесса, направленное къ опредѣленнымъ цѣлямъ и идеаламъ; противъ такого опредѣленія и возстаетъ Герценъ, иронизируя надъ самымъ выраженіемъ: цѣль прогресса... «Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль—программа, что ли, или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязательенъ онъ, или нѣтъ? Если да, то что мы: куклы или люди въ самомъ дѣлѣ, нравственно свободныя существа, или колеса въ машинѣ?..» Въ «Быломъ и думамъ» (XLI гл.) Герценъ ставитъ точки надъ і, заявляя, что понятіе *цѣли* въ социологіи и философіи исторіи совершенно непослѣдовательно: «телеологія, это—тоже теологія... Какая же разница между предопредѣленной цѣлесообразностью и промысломъ?» Итакъ, полное отрицаніе цѣлесообразности историческаго процесса — вотъ основное и глубокое убѣжденіе Герцена; понятно, что поэтому для него и прогрессъ не имѣетъ значенія, взятый im Werden: онъ беретъ

его не какъ текущій процессъ, а въ его поперечномъ сѣченіи данной исторической минутой, въ его становленіи (если употребить гегельянскую терминологию). Поэтому для Герцена «прогрессъ—неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось; это дѣятельная память и физиологическое усовершеніе людей общественной жизнью»... Беря этотъ процессъ im Sein, мы не будемъ прилагать къ нему неразрѣшимыхъ вопросовъ: съ какой цѣлью? зачѣмъ? подобно тому, какъ нѣтъ возможности прилагать эти вопросы къ понятію «жизни». Вопросы эти относятся къ области метафизики и религіи, но и ту и другую Герценъ совершенно отрицаетъ; вотъ почему на вопросъ, что такое прогрессъ, онъ отвѣчаетъ такъ же, какъ и на вопросъ, что такое жизнь: и прогрессъ и жизнь, человѣкъ можетъ разсматривать только im Sein, а потому понятіе цѣли къ нимъ неприменимо. «Зачѣмъ все живетъ? Тутъ, мнѣ кажется, предѣлъ вопроса; жизнь—и цѣль, и средство, и причина, и дѣйствіе... Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше—зачѣмъ, чтобы полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ. Мы насто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того же развитія»... Итакъ, Герценъ совершенно отрицаетъ приложимость категоріи цѣлесообразности къ историческому процессу; когда въ отвѣтъ на свое опредѣленіе прогресса какъ «физиологическаго усовершенія людей общественной жизнью» (см. выше) онъ слышитъ возраженіе: «неужели вы тутъ не видите цѣли?»—то смѣло отвѣчаетъ: «совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе»... Иначе говоря, къ историческому процессу приложима только категорія причинности, но не цѣлесообразности. Въ такомъ утвержденіи коренится ошибка Герцена, по существу однородная съ отрицаніемъ приложимости къ историческому процессу категоріи справедливости русскимъ марксизмомъ 90-хъ годовъ: никто не отрицаетъ, что историческій процессъ «необходимъ», что онъ причинно обусловленъ, но это нисколько не мѣшаетъ человѣку прилагать къ этому необходимому и причинно обусловленному процессу вопросы, насколько онъ справедливъ, насколько онъ цѣлесообразенъ im Sein, а слѣдовательно и im Werden. Ошибку Герцена немедленно замѣтило русское народничество шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и она была исправлена прежде всего Лавровымъ, а затѣмъ Михайловскимъ.

Однако эта частичная ошибка не помѣшала Герцену быть вполне правымъ въ остальныхъ частяхъ своей теоріи. Да и сама эта ошибка вполне понятна: Герценъ возставалъ, какъ мы видѣли, прежде всего

протівъ абсолютной, объективной телеологіи (въ чемъ мы всецѣло примыкаемъ къ его взглядамъ) и уже исходя отсюда онъ впалъ въ ошибку отрицанія *всякой* телеологіи въ историческомъ процессѣ. Въ то же время, однако, мы видѣли, что Герценъ не отрицаетъ «усовершенія людей» въ прогрессѣ; но только не желаетъ считать это усовершенствованіе за средство, направленное къ какой-то цѣли. Отсюда очевидно, что онъ легко избѣжалъ тѣхъ затрудненій, которыя стали на пути теоріи прогресса другихъ народниковъ. Такъ, напримѣръ, Михайловскій не могъ избѣжать возраженія, что по его теоріи прогресса все предшествующее развитіе человѣчества, весь историческій процессъ были не прогрессомъ, а регрессомъ (возраженіе, впервые сдѣланное Михайловскому Лавровымъ); эпигоны народничества и Л. Толстой пошли по этому пути еще дальше; если историческій процессъ не есть прогрессъ (или по крайней мѣрѣ не былъ имъ), то, очевидно, должна идти на смарку вся современная цивилизація, непосредственное слѣдствіе историческаго процесса. Герценъ избѣжалъ этихъ затрудненій уже однимъ тѣмъ, что бралъ прогрессъ *im Sein*, а не *im Werden*. Намъ принадлежитъ только настоящее, а такъ какъ прогрессъ не имѣетъ цѣли, то въ этомъ смыслѣ будущее не наше; но если это такъ, то, быть можетъ, вся наша цивилизація ложь и мечта? Или, быть можетъ, надо отказаться отъ цивилизаціи, бросить ее, воротиться къ отставшимъ? «Нѣтъ, отказаться отъ развитія невозможно. Какъ сдѣлать, чтобъ я не зналъ того, чтò знаю? Наша цивилизація лучшій цвѣтъ современной жизни. Кто же поступится своимъ развитіемъ?»—отвѣчаетъ Герценъ.—Но какое же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?» И такъ, беря прогрессъ въ періодъ становленія, Герценъ принимаетъ и непосредственное слѣдствіе историческаго процесса—цивилизацію; отказываясь же отъ обсуждения цѣли этого процесса, онъ тѣмъ самымъ, очевидно, снимаетъ съ очереди вопросъ о смыслѣ всемірной исторіи, составлявшей центръ тяжести міровоззрѣнія Чаадаева. Если историческій процессъ не есть прогрессъ, то зачѣмъ тогда вся историческая жизнь, къ чему вся исторія, весь міръ? «Въ вашей философіи исторіи—возражаютъ Герцену—есть что-то возмущающее душу: для чего эти усилія? Жизнь народовъ становится праздною игрою, лѣпитъ, лѣпитъ по песчинкѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнетъ на землю»... На это возраженіе Герценъ имѣетъ давно заготовленный отвѣтъ, формулированный имъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ въ спорахъ со славянофилами. Хомяковъ въ своей борьбѣ съ рационализмомъ дока-

зывать, что однимъ разумомъ природу можно понимать только «какъ простое непрерывное броженіе, не имѣющее цѣли, и которое можетъ и продолжаться, и остановиться. А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человѣческимъ, съ планетой?»

— Я вамъ и не говорилъ, отвѣтилъ я (Герценъ) ему, что я беру это доказывать, я очень хорошо зналъ, что это невозможно.

— Какъ?—сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный:—вы можете принимать эти страшные результаты *свирѣпѣйшей имманенціи* и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну, вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны... («Былое и думы», гл. XXX). Вполнѣ послѣдовательно Герценъ и въ «Съ того берега» остался при этой старой точкѣ зрѣнія; въ отвѣтъ на вышеприведенное возраженіе на тему, что историческая жизнь для него есть праздная игра и что въ такомъ случаѣ «исторія можетъ продолжаться вовѣки вѣковъ или завтра окончится», онъ отвѣчаетъ: «безъ сомнѣнія... Исторія можетъ продолжаться миллионы лѣтъ. Съ другой стороны, я ничего не имѣю противъ окончанія исторіи завтра. Мало ли что можетъ быть! Энкіева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологической катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ... вотъ вамъ и финалъ исторіи»... Люди, возмущающіеся свирѣпѣйшей имманенціей такого воззрѣнія, не возмущаются однако ежедневными случаями такого же финала, отнесеннаго къ исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ жизней, а не къ исторіи всего человѣческаго рода. Не ясно ли, что для принимающихъ принципъ этического индивидуализма, принципъ безусловной стоимости и самоцѣльности реальной человеческой личности, «смерть одного человѣка не меньше нелѣпа, какъ гибель всего рода человѣческаго»?

Послѣ этого ясенъ выводъ Герцена: цѣль историческаго процесса не будущее, а настоящее, каждый текущій моментъ въ его Sein, а не Werden. И опять-таки это старый, давнишній взглядъ Герцена; по крайней мѣрѣ въ его «Дневникѣ» отъ 28 іюня 1842 г. мы находимъ слѣдующія глубоко интересныя строки: «если глубоко всмотрѣться въ жизнь, конечно, высшее благо есть самосуществованіе, какія бы внѣшнія обстановки ни были. Когда это поймутъ,—поймутъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего глупѣе, какъ пренебрегать настоящимъ въ пользу грядущаго. Настоящее есть реальная сфера бытія. Каждую минуту, каждое наслажденіе должно ловить, душа непрерывно должна быть рас-

крыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать въ него свое. Цѣль жизни—жизнь. Жизнь въ этой формѣ, въ томъ развитіи, въ которомъ поставлено существо, т.-е. цѣль чловѣка—жизнь чловѣческая»... Эти же мысли въ болѣе обработанной и развитой формѣ Герценъ высказываетъ и теперь, въ «Съ того берега». Цѣль историческаго процесса—настоящее, для меня легче жизнь, а слѣдственно и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.—То-есть, просто, цѣль природы и исторіи—мы съ вами?..—Отчасти, да *плюсв* настоящее всего существующаго; тутъ все входитъ: и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій, и зародыши всего, что будетъ»... Это именно и значитъ, что всегда надо брать историческій процессъ въ его поперечномъ сѣченіи настоящей минутой, ибо «каждый историческій мигъ полонъ, замкнуть по-своему»... ибо жизнь «ничего личнаго, индивидуальнаго не готовитъ впрокъ... (а) всякій разъ вся изливается въ настоящую минуту»... ибо «природа всѣми языками своими непрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое *vivere temento*»..., ибо, «каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуальность... каждая—достигнутая цѣль, а не средство»... А все это въ свою очередь приводитъ насъ къ яркому этическому индивидуализму: разъ нѣтъ абсолютной, объективной цѣли прогресса, разъ реаленъ только историческій процессъ, разъ цѣль этого процесса каждый текущій моментъ, настоящее, то очевидно, что каждое поколѣніе цѣль самому себѣ и каждый чловѣкъ—самоцѣль. Еще въ статьѣ 1843 года «Буддизмъ въ наукѣ» Герценъ вполне опредѣленно высказалъ эту мысль: «народы представляли бы нѣчто жалкое, если-бъ они свою жизнь считали только одной ступеню неизвѣстному будущему; они были бы похожи на носильщиковъ, которымъ одна тяжесть ноши и трудъ пути, а руно несомое другимъ»... Теперь, послѣ всѣхъ предыдущихъ построеній своей теоріи, Герцену уже легко обосновать эту мысль, что онъ и дѣлаетъ, пользуясь отчасти даже прежними выраженіями: «если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: *morituri te salutant*, только и умѣетъ отвѣтить насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать... или на то, чтобы быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью

прогресса въ будущемъ на флагѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги... остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей; цѣль безконечно-далекая—не цѣль, а, если хотите, уловка; цѣль должна быть ближе... Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе о будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ»... («Съ того берега», гл. I; отсюда же и всѣ предыдущія неотмѣченныя цитаты).

Всѣ эти выводы Герцена мы считаемъ глубоко важными при рѣшеніи индивидуализма, какъ этической проблемы (о социологической сторонѣ вопроса рѣчь будетъ ниже). Если ввести въ эти выводы поправку въ вопросѣ о цѣлесообразности историческаго процесса, то въ остальномъ можно всецѣло принять положенія Герцена, какова бы ни была ихъ *свирѣпѣйшая имманенція* ¹⁾. Историческій процессъ можетъ разсматриваться *im Werden*—это мы найдемъ у народниковъ семидесятыхъ годовъ—но прежде всего онъ долженъ разсматриваться *im Sein*, т.-е. съ точки зрѣнія реальной человѣческой личности. Только такая точка зрѣнія позволяетъ признать каждое поколѣніе самоцѣлью, точно также какъ является самоцѣлью каждая отдѣльная личность въ каждомъ поколѣніи. Приматъ настоящаго надъ будущимъ—вѣдь это не что иное, какъ приматъ реальной личности надъ абстрактнымъ человѣкомъ; Герцена интересуетъ человѣческая личность и ея жизнь въ каждый текущій моментъ, онъ требуетъ широты этой жизни и несогласенъ приносить ее въ жертву чему бы то и кому бы то ни было. Человѣческая личность—самоцѣль: эта формула этическаго индивидуализма рельефно и отчетливо ставится Герценомъ, принимая сейчасъ же характеръ, который можно было бы назвать *философско-историческимъ индивидуализмомъ*, выражающимся въ формулѣ: цѣль историческаго процесса—настоящее. Отсюда вытекаетъ и социологическій индивидуализмъ, которому Герценъ посвящаетъ замѣчательную главу «Съ того берега» («*Omnia mea mecum porto*»).

Онъ начинаетъ съ того, что категорически отказывается примкнуть къ крайнему социологическому номинализму, въ которомъ его можно было заподозрить, ознакомившись съ его теоріей прогресса

¹⁾ Дальнѣйшее развитіе и обоснованіе этихъ взглядовъ Герцена дано нами въ книгѣ «О смыслѣ жизни».

и вообще всей философией истории. Общество не есть только арифметическая сумма индивидовъ, ибо человекъ связанъ неразрывными узами со средой и связь эта образуетъ междусоциальную психическую ткань. Итакъ, отдѣльная человеческая личность не можетъ считать себя совершенно независимой отъ социальной среды, въ широкомъ смыслѣ — отъ общества; отсюда беретъ начало социологическая проблема индивидуализма. Проблему эту Герценъ считалъ трудно поддающейся рѣшенію, но во всякомъ случаѣ не неразрѣшимой: мы знакомы съ его воззрѣніями по этому вопросу еще въ сороковыхъ годахъ; позднѣе онъ не измѣнилъ своего рѣшенія. «Понять всю ширину и дѣйствительность, понять всю святость правъ личности, и не разрушить, не раздробить на атомы общество — самая трудная социальная задача. Ее разрѣшить, вѣроятно, сама исторія для будущаго, въ прошедшемъ она никогда не была разрѣшена», писалъ Герценъ еще въ 1847 г., въ четвертомъ изъ своихъ «Писемъ изъ Франціи и Италіи». Но, признавая наличность проблемы социологическаго индивидуализма, Герценъ никогда не сталкивалъ лбами личность и общество: послѣднее было для него восполняющимъ элементомъ первой. Поэтому онъ возставалъ противъ всякаго гипостазирования понятія общества для противопоставленія его личности, чѣмъ и положилъ начало борьбѣ съ органической теоріей общества. Всякая такая теорія являлась въ его глазахъ попыткой подавленія реальной человеческой личности. «Общая основа воззрѣнія, на которомъ такъ прочно держится нравственная неволя человека и «приниженіе» его личности, почти вся въ дуализмѣ, которымъ проникнуты всѣ наши сужденія,—говоритъ по этому поводу Герценъ. —...Въ дуализмѣ идеализмъ беретъ сторону одной тѣни противъ другой, отдавая монополию духу надъ веществомъ, роду надъ недѣлимымъ, жертвуя такимъ образомъ человекъ государству, государство человечеству»... Здѣсь Герценъ противопоставляетъ социологическому номинализму социологическій идеализмъ (мы выше придерживались этой же терминологіи) и относится къ послѣднему вполне отрицательно, обвиняя всѣ теоріи социологическаго идеализма въ мнимомъ противопоставленіи того, что, подобно личности и обществу, соединено неразрывнымъ единствомъ. Эти теоріи подчиняютъ личность обществу, считая такое подчиненіе аксіомой социальной статики; мы уже видѣли, что именно таковы были воззрѣнія полярной противоположности Герцена — Чаадаева; впоследствии на этомъ поприщѣ особенно отличались всевозможные «дарвинистическіе социологи» и представители органической теоріи общества; въ эпоху же Герцена главными представителями социологическаго

идеализма были съ одной стороны Гегель (мы видѣли, какъ жесто- ченно боролся противъ Молоха-Общаго Бѣлинскій), съ другой сто- роны — многіе представители социализма. Герценъ рассказываетъ, что Луи Бланъ годами повторялъ вполнѣ догматически общія мѣста объ индивидуализмѣ и братствѣ, не думая, чтобы можно было возражать на такія почтенныя истины:

— «Жизнь человѣка—великій социальный долгъ; человѣкъ *дол- женъ* постоянно приносить себя на жертву обществу.

— Зачѣмъ?—спросилъ я (Герценъ) вдругъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте: вся цѣль,—все назначеніе лица— благосостояніе общества.

— Оно никогда не достигнется, если всѣ будутъ жертвовать и никто не будетъ наслаждаться.

— Это игра словъ.

— Варварская сбивчивость понятій, говорилъ я смѣясь» (Сбор- никъ посмертныхъ статей: «Горныя вершины», стр. 104 — 5). Но мы знаемъ, что это, конечно, не было варварской сбивчивостью понятій, а было вполнѣ послѣдовательнымъ и гармоничнымъ слѣдствіемъ об- щихъ теоретическихъ положеній Герцена, ярче всего выраженныхъ именно въ главѣ «*Omnia mea mecum porto*», написанной еще въ 1850 г. Мы знаемъ, что, не исповѣдуя крайняго социологическаго но- минализма, Герценъ еще дальше отстоялъ отъ социологическаго идеа- лизма и отъ подчиненія личности обществу или какой бы то ни было социальной группѣ; къ этому онъ пришелъ отъ этического черезъ философско-историческій индивидуализмъ. «Подчиненіе личности об- ществу, народу, челоѣчеству, идеѣ,—говоритъ Герценъ,—продолженіе челоѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени»... Съ такимъ предвзятымъ рѣшеніемъ проблемы индивидуализма надо бороться всѣми силами, опираясь на философско-историческій индивидуализмъ, на принципъ цѣли историческаго процесса въ настоящемъ. Основываясь на этомъ, Герценъ посвящаетъ послѣднія страницы своей книги блестящей апологіи понятій индивидуализма и эгоизма, доказывая но- выми аргументами и съ новой точки зрѣнія то, что за немного лѣтъ передъ тѣмъ проводилъ въ статьѣ «Новыя варьяціи на старыя темы» (естественнымъ продолженіемъ и окончаніемъ этой статьи и является «*Omnia mea mecum porto*»). «Какой смыслъ всѣхъ разглагольство- ваній противъ эгоизма, индивидуализма?—спрашиваетъ Герценъ,—Что

такое эгоизмъ? что такое *братство*? что такое индивидуализмъ? и что любовь къ человечеству?» Отвѣчая на рядъ этихъ вопросовъ, отчасти прямо направленныхъ противъ Луи Блана, Герценъ еще и еще разъ повторяетъ, что эгоизмъ неразрывенъ съ индивидуализаціей: «какъ же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности»... Съ точки зрѣнія философско-историческаго индивидуализма эгоизмъ (конечно, не въ его мѣщанскомъ смыслѣ) получаетъ у Герцена новую точку опоры: разъ цѣль историческаго процесса лежитъ въ настоящемъ, то эгоизмъ теряетъ тотъ дурной историческій привкусъ, который вложенъ въ него добродѣтельнымъ мѣщанствомъ. Пора признать, что индивидуализмъ и братство, «эгоизмъ и общественность не добродѣтели и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой»... Принципъ жизни въ настоящемъ, принципъ широты человѣческой личности объединяетъ и эгоизмъ и альтруизмъ, и индивидуализмъ и общественность. А если такъ, то нечего противопоставлять «я» — «ты», нечего строить свои доводы «на раздвоеніи общества и человѣка, на мнимой враждѣ ихъ»...; если такъ, то пора перестать строить всякія теоріи «братства», долженствующія разсѣчь гордіевъ узелъ проблемы индивидуализма, ибо «гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ навсегда, она *становится* каждымъ періодомъ, почти каждой страной и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть»... («Съ того берега», гл. VII; всѣ предыдущія неотмѣченныя цитаты оттуда же).

Теперь мы можемъ подвести итоги. Прежде всего необходимо еще разъ подчеркнуть уже отмѣченное нами обстоятельство: въ своей философіи исторіи Герценъ ставилъ себѣ тѣ же самыя задачи, которыя нѣкогда стояли предъ Чаадаевымъ, но рѣшалъ ихъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи. Не будемъ однако останавливаться на этомъ фактѣ, уже разобранномъ нами въ предыдущей главѣ. Гораздо важнѣе отмѣтить то, что въ своей гениальной книгѣ «Съ того берега» Герценъ, какъ мы это только-что видѣли, перебростилъ мостъ между этическимъ и социологическимъ индивидуализмомъ своей философско-исторической теоріей. *Соціологическій индивидуализмъ западничества и этической индивидуализмъ славянофильства былъ синтезированъ Герценомъ путемъ философско-историческаго индивидуализма; съ этою синтеза и беретъ свое начало народничество.* Необходимо только выяснитъ, въ чемъ состояло содержаніе этого народничества у Герцена.

Фундаментомъ народничества Герцена было его анти-мѣщанство,

съ которымъ неразрывно былъ связанъ индивидуализмъ. Народничество Герцена (впоследствии мы увидимъ, что это относится и къ народничеству вообще) было первымъ обширнымъ и гармоничнымъ построениемъ русской мысли, опирающимся главнымъ образомъ на антимѣщанство; кромѣ того народничество было единственнымъ мировоззрѣніемъ, соединяющимъ въ себѣ величайшую общественность съ безусловнымъ индивидуализмомъ, а слѣдовательно пытающимся рѣшить, сообразно съ положениемъ Россіи середины XIX вѣка, проблемы индивидуализма. Фактически народничество рѣшало эту проблему отождествленіемъ понятій личности и мужика, и рѣшеніе это проходитъ красной нитью отъ Герцена до Михайловскаго. Михайловскій впоследствии объяснилъ это рѣшеніе самымъ характеромъ русской жизни шестидесятыхъ годовъ, когда крестьянская реформа оставляла въ тѣни всѣ остальные; Герценъ еще въ своемъ письмѣ къ Мишле («Русскій народъ и социализмъ», 1851 г.) заявлялъ, что «человѣкъ будущаго въ Россіи — *мужикъ*»... Отсюда возникла вѣра въ мужика, вѣра въ не-буржуазность и въ антимѣщанство «крестьянскаго тулупа», противопоставляемая убѣжденію невозможности дальнѣйшаго нормальнаго развитія западно-европейскихъ, мѣщанскихъ обществъ. Это, въ настоящее время столь очевидно невѣрное, мнѣніе о грядущей быстрой гибели всѣхъ европейскихъ государственныхъ формъ, трудно ставить въ пассивъ мировоззрѣнію Герцена, ибо онъ въ этомъ случаѣ раздѣлялъ ошибку со всѣми социалистами той эпохи: не говоря о социалистахъ-утопистахъ въ родѣ Фурье, увѣреннаго, что въ четыре года весь земной шаръ будетъ покрытъ фаланстерами, достаточно указать на Маркса, предсказывавшаго уже въ семидесятыхъ годахъ, что обобществленіе орудій производства (а значить и гибель всѣхъ современныхъ государственныхъ формъ Европы) совершится еще въ XIX вѣкѣ. Герценъ допускалъ подобную побѣду западно-европейскаго социализма, но былъ до того глубоко убѣжденъ въ мѣщанствѣ, какъ основѣ всего европейскаго уклада, что высказывалъ еретическую мысль о томъ, что *социализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, неизбежно самъ вырождается въ мѣщанство*: «социализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой социализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма»... («Съ того берега», гл. VI). Эту мысль о потенциальномъ мѣщанствѣ социализма уразумѣло только поколѣніе русской интеллигенціи начала XX-го вѣка, такъ что въ этомъ случаѣ Герценъ на

пятьдесятъ лѣтъ опередилъ свое время... Если же социализмъ не побѣдитъ, то, по мысли Герцена, вся Европа «кристаллизуется», успокоится въ мѣщанствѣ — и это будетъ своего рода концомъ европейской исторіи.

Но Герценъ не остановился на такомъ пессимизмѣ, онъ перешагнулъ черезъ него, для чего и началъ съ вѣры въ Россію. «Соціологія должна начать съ нѣкоторой утопіи» — сказалъ однажды Михайловскій; задолго до него эту же мысль высказалъ Герценъ: «общія мѣста, планы, теоріи, утопіи должны предшествовать работѣ исполненія, общественной перестройкѣ» («Колоколь», 15 янв. 1859 г.). Мы знаемъ, что Герценъ началъ съ утопіи — съ вѣры въ возможность особаго пути развитія Россіи, съ вѣры въ анти-мѣщанство и небуржуазность «крестьянскаго тулупа», всего русскаго народа; буржуазію, которую онъ такъ ненавидѣлъ, онъ не считалъ жизнеспособной въ средѣ этого народа, характерно анти-мѣщанскаго, хотя и предвидѣлъ ея возможность въ пореформенной Россіи: послѣднее типично не только для Герцена, но и для народничества вообще. Однако, несмотря на это, Герценъ не впалъ въ основную ошибку славянофильства, не смѣшалъ «народъ» съ «націей», а наоборотъ, впервые сдѣлалъ попытку разграничить ихъ; вслѣдъ за Марксомъ, но вполне независимо отъ него, Герценъ указываетъ, что прогрессивное увеличеніе «національнаго» богатства Англіи приводитъ англійскій народъ къ все большому и большому голоду, («Робертъ Оуэнъ»): слѣдовательно, Герценъ уже сознавалъ не только нетождественность, но часто и взаимную противоположность интересовъ націи и народа. Впослѣдствіи Чернышевскій и Михайловскій подробно развили и обосновали это основное положеніе народничества, встрѣченное нами еще у Радищева и у декабристовъ; у Герцена оно было только мимолетнымъ выраженіемъ убѣжденія возможности особаго пути развитія Россіи. Этотъ путь развитія долженъ быть таковъ, чтобы ариадниной нитью его служили интересы народа, а не націи; болѣе конкретно это выражалось въ міровоззрѣніи Герцена требованіемъ *примата соціальныхъ реформъ надъ политическими* — это краеугольный камень всего русскаго народничества. Въ своей ненависти къ мѣщанству западной Европы Герценъ считалъ устарѣлыми, типично-мѣщанскими и обреченными на погибель всѣ выработанныя западно-европейской культурой политическія формы. Прежде всего всякая государственность является построенной на отжившихъ, окаменѣлыхъ понятіяхъ и нормахъ римскаго права. Что такое рожденное Западомъ уголовное право? — теорія мести! Уголовный судъ? — фильтрованная инквизиція! — все это эти-

чески отжило, разрушилось и только искусственно поддерживается, как пролежавшая три тысячелѣтія въ землѣ мумія: «государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи собственности...—такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа»... («Старый міръ и Россія»; письмо первое). Армія, судъ, полиція въ серединѣ, голодъ и невѣжество внизу, отвлеченная мысль социализма на вершинѣ — «этотъ half and half и есть *мѣщанское государство*», подчеркиваетъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ («Письма къ противнику», 1864 г.). Примириться съ этимъ государствомъ нельзя, стремиться выйти изъ него — необходимо: «знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное или нѣтъ,—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ» («Концы и Начала», письмо второе). Отсюда выводъ одинъ: западно-европейское государство неспособно къ дальнѣйшему развитію и какъ пережившая сама себя форма подлежитъ упраздненію «*Совмѣстны ли вообще разумное сознаніе и нравственная независимость съ государственными бытомами?*» — подчеркиваетъ самъ Герценъ свой вопросъ («Робертъ Оуэнъ», гл. II), и отвѣчаетъ на него отрицательно. Этотъ выводъ роднитъ по настроенію народничество съ анархизмомъ.

Обвиненіе въ анархизмѣ выставляли противъ Герцена еще читатели «Колокола» (см. 1-й его листъ), и отчасти были несомнѣнно правы. Не останавливаемся на томъ, что послѣ 1848 г. Герценъ сошелся съ Прудономъ и издавалъ вмѣстѣ съ нимъ «*La voie du peuple*», что еще гораздо раньше теоріи Прудона во многомъ влияли на молодого Герцена (см. его «Дневникъ», а также признаніе въ «Быломъ и думахъ», гл. XLI: «я былъ многимъ обязанъ Прудону въ моемъ развитіи»). Все это, конечно, объясняетъ анархистскія тенденціи Герцена, но у насъ есть болѣе основное объясненіе—вліяніе на Герцена славянофильства. Ложь лежитъ не въ той или иной формѣ Государства, а въ самомъ Государствѣ какъ таковомъ—убѣжденно повторялъ К. Аксаковъ; общественный и личный идеалъ человечества выше всякаго совершеннѣйшаго государства, комментировалъ И. Аксаковъ теоріи своего брата; пользуемся случаемъ, чтобы подчеркнуть еще разъ анархистскія концепціи въ славянофильствѣ. Герценъ и въ этомъ отношеніи былъ близокъ славянофильству по настроенію. Онъ вѣрилъ къ тому же, что русскій народъ, характерно анти-мѣщанскій, не выносить (или выносить только по принужденію) какую бы то ни было форму государства, неизбежно мѣщанскаго. Славянскіе народы соб-

ственно не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства», пишетъ Герценъ. Онъ болѣе сообразнымъ съ характеромъ славянства народнымъ государствомъ онъ считалъ Запорожскую Сѣчь, утверждая вообще, что «славяне... не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, неустояващагося *анархизма*»}. («Старый міръ и Россія», 1854 г.; см. также въ «Полярной Звѣздѣ» 1855 г. статью Энгельсона «Что такое государство» и комментаріи къ этой статьѣ Герцена въ 1-мъ листѣ «Колокола»). Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что Герценъ отрицалъ всякую централизованную государственную форму, какъ сугубое мѣщанство, — это съ одной стороны; съ другой — онъ требовалъ эту государственность къ отвѣту отъ имени реальной человѣческой личности. Пресловутый «народный суверенитетъ» былъ ему настолько же ненавистенъ, какъ и монархическій деспотизмъ — и въ этомъ онъ опять-таки смѣло протянулъ руку къ поколѣнію русской интеллигенціи начала XX-го вѣка. Онъ не боялся обвиненій въ аристократизмѣ (см. замѣчательную главу «*Consolatio*» изъ «Съ того берега»), онъ смѣло заявлялъ: «надобно признавать преступнымъ *Salus populi* (Герценъ говоритъ о «благѣ націи», какъ государственнаго организма). Пора челоуѣку потребовать къ суду: республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданствѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и государству»... И вотъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія — признанія мѣщанства и анти-индивидуалистичности западно-европейскаго правового государства, Герценъ и выставлялъ положенный впоследствии во главу угла всего народничества приматъ социальныхъ реформъ надъ политическими для Россіи той эпохи. У «Колокола» на знамени — «освобожденіе крестьянъ съ землею, т.-е. опять социальный вопросъ передъ политическимъ», категорически заявилъ самъ Герценъ («Колоколь», 15 янв. 1859 г.). Всякая политическая форма въ лучшемъ случаѣ — палліативъ, вообще же говоря, по мнѣнію Герцена, ни одна политическая форма не вмѣститъ въ себя социальной реформы: «политическая революція, пересоздающая формы государственныя, не касаясь до формъ жизни, достигла своихъ границъ; она не можетъ разрѣшить противорѣчія юридическаго быта и быта экономическаго»... («Письма къ противнику», письмо первое). Эта общая истина, по мнѣнію Герцена, особенно приложима къ Россіи, къ «мужицкому царству», гдѣ политическія формы, важныя для буржуазіи, безразличны подавляющему большинству народонаселенія. «Государство есть сумма сель, —

писалъ, въ «Колоколъ» (1858 г.), Огаревъ:—устройте село и вы устройте государство»... Бакунинъ восклицалъ на тѣхъ же листахъ «Колокола» (1862 г.): да здравствуетъ *крестьянская Россія* и внѣсословная интеллигенція!.. Въ этомъ пунктѣ народничество снова рѣзко столкнулось съ либеральнымъ доктринерствомъ, требовавшимъ почти исключительно политической реформы, а въ области социальной предлагавшимъ освобожденіе крестьянъ безъ земли. Народничество во многомъ оказалось неправо, но въ своей борьбѣ съ либеральнымъ доктринерствомъ исторически оно было право несомнѣнно; оно стояло за насущные интересы реальной личности, а не за права абстрактнаго человѣка. Но если исторически, въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ Россіи середины XIX-го вѣка Герценъ былъ правъ, то, безотносительно говоря, истина лежала между нимъ и либеральными доктринерами; ошибка и народничества и либерализма коренилась въ ихъ исключительности. Герценъ самъ скоро понималъ это. Когда въ 1861 г. была произведена социальная реформа въ самомъ урѣзанномъ и сокращенномъ видѣ, когда съ этихъ поръ, а особенно съ 1866 г. началась реакція, и катковщина съ успѣхомъ стала класть палки въ колеса всякому прогрессивному движенію—Герценъ смутно почувствовалъ, что примать социальнаго надъ политическимъ, проведенный въ жизнь, есть только недостроенное зданіе, не имѣющее защиты отъ реакціонныхъ бурь. По крайней мѣрѣ въ своемъ третьемъ письмѣ «Къ старому товарищу» (Бакунину), написанномъ за полгода до смерти, Герценъ признаетъ необходимость для современнаго человѣчества правовыхъ государственныхъ формъ: «изъ того, что государство форма *проходящая*, не слѣдуетъ, что эта форма уже *прошедшая*,—пишетъ Герценъ такому типичному анархисту, какъ Бакунинъ:—и что значить *отрицать* государство, когда главное условіе выхода изъ него—*совершеннолѣтіе* большинства»... Однако еще народничество семидесятыхъ годовъ не окончательно отказалось отъ идеи примата социальнаго надъ политическимъ; только народовольцамъ, а вслѣдъ за ними и поколѣнію начала XX-го вѣка суждено было выставить программу политическихъ реформъ для социальнаго.

Вотъ народничество Герцена, этотъ «русскій социализмъ», это стройное, гармоничное растеніе, выросшее изъ сѣмянъ анти-мѣщанства и индивидуализма, развившихся на почвѣ западничества и славянофильства. Народничество Герцена, это прежде всего—отрицательное отношеніе къ современному политико-экономическому развитію западной Европы, а потому и требованіе примата социальнаго реформъ надъ политическими, чтобы избѣжать мѣщанскаго пути раз-

вита́я Запа́да. За́тъмъ народничество—это вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи, основанная въ свою очередь на убѣжденіи въ анти-мѣщанствѣ и не-буржуазности «крестьянскаго тулупа» и на признаніи общиннаго устройства краеугольнымъ камнемъ русскаго быта; поэтому народничество—это отрицательное отношеніе къ буржуазіи, строгое раздѣленіе понятій «націи» и «народа» и ожесточенная борьба съ экономическимъ либерализмомъ. Въ то же время народничество—это неизбѣжная постановка той или иной «утопіи» въ началѣ соціологическихъ концепцій, одинаково далекихъ какъ отъ соціологическаго идеализма, такъ и отъ соціологическаго ультра-номинализма. Вотъ главныя нити народничества Герцена, переплетающіяся у него въ сложную, но гармонично сотканную ткань, характерную въ общемъ для всего русскаго народничества. Какія новыя нити вплетались въ него, какъ видоизмѣнялась его окраска—мы тщательно прослѣдимъ на послѣдующихъ страницахъ, а теперь обратимъ вниманіе на ту черту народничества, которая характерна главнымъ образомъ для Герцена.

Народничество Герцена было не-критическимъ. По вполнѣ понятнымъ психологическимъ причинамъ, всякая новая доктрина чаще всего носитъ въ началѣ догматическій характеръ, только впоследствии въ нее проникаетъ духъ критицизма, главнымъ образомъ отъ тренія съ враждебными теоріями и системами. Изъ догматизма же системы какъ неизбѣжное слѣдствіе вытекаетъ ея оптимизмъ, такъ какъ безъ духа критическаго изслѣдованія невозможно правильно оцѣнить стоящія на пути препятствія, которыя въ большинствѣ случаевъ оцѣниваются очень низко. *Народничество Герцена было догматическимъ и оптимистическимъ* и въ этомъ его существенное отличіе отъ послѣдующаго народничества, все болѣе и болѣе критическаго, но зато все болѣе и болѣе пессимистическаго. Самъ Герценъ къ концу своей жизни во многомъ отказался отъ своего былого догматическаго оптимизма: мы уже видѣли, что онъ призналъ ошибочность принципа примата соціальнаго надъ политическимъ, по крайней мѣрѣ ошибочность односторонняго примѣненія этого принципа. Точно такъ же во многомъ измѣнилъ онъ свой взглядъ на возможность особаго развитія пути Россіи, на не-буржуазность «крестьянскаго тулупа», на возможность анти-мѣщанскаго развитія славянства подъ сѣнью общины: чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше упиралъ Герценъ, что особый путь развитія только одна изъ *возможностей*, возможность желательная, но даже не особенно вѣроятная. Какъ быстро переходилъ

Герценъ отъ оптимистическаго къ пессимистическому и отъ догматическаго къ критическому народничеству—показываетъ слѣдующій мелкій, но характерный фактъ. Въ восьмомъ письмѣ изъ «Концовъ и Началь», помѣченномъ 15 янв. 1863 г., Герценъ заявляетъ: «я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится и, достигая котораго, она, можетъ, пройдетъ мѣщанской полосой» (Колоколь», 15 февр. 1863 г.). Во второмъ отдѣльномъ изданіи «Концовъ и Началь» (1866 г.) Герценъ видоизмѣнилъ эту фразу такимъ образомъ «...и достигая котораго, она, вѣроятно, *пройдетъ* и мѣщанской полосой»... Здѣсь Герценъ подчеркиваетъ, что Россія только пройдетъ черезъ мѣщанство; но зато не заявляетъ, какъ раньше, что она *можетъ* пройти, а можетъ и не пройти, но уже болѣе утвердительно говоритъ, что Россія *вѣроятно* пройдетъ полосой мѣщанства... Возможность превратилась у Герцена въ вѣроятность; эта вѣроятность скоро превратилась у него въ увѣренность: Герценъ не могъ не видѣть, что развитіе русской жизни во многомъ шло путемъ противоположнымъ его теоретическимъ идеаламъ. Онъ защищалъ общинное владѣніе, стоялъ за идею особаго экономическаго пути развитія Россіи, и въ то же время видѣлъ, что въ Россіи кладется начало организаціи частнаго кредита, въ конецъ расшатавшаго устои натурального хозяйства и принципъ общиннаго владѣнія: уже одинъ этотъ мелкій, казалось бы, фактъ былъ глубоко знаменателенъ. И Герценъ воочію видѣлъ, какъ мало-по-малу обрисовывается вся фантастичность его мечтаній о небуржуазности «крестьянскаго тулупа»; онъ понялъ теперь, насколько былъ правъ Тургеневъ, доказывавшій ему, что крестьянскій тулупъ буржуазенъ не менѣе, чѣмъ европейскій пиджакъ. «Народъ, передъ которымъ вы всѣ (т.-е. народники) преклоняетесь,—писалъ онъ Герцену въ годъ освобожденія крестьянъ,—консерваторъ par excellence и носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ... что оставитъ за собой всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ»... Теперь, къ концу шестидесятихъ годовъ, Герценъ не могъ бы ничего возразить на это; онъ, прежде утверждавшій (въ «Русскій народъ и социализмъ», 1851 г.), что русскій крестьянинъ питаетъ отвращеніе къ личной поземельной собственности (!), теперь повторяетъ вслѣдъ за Тургеневымъ: «народъ—консерваторъ по инстинкту... его идеаль—буржуазное довольство»... («Письма къ старому товарищу, 1869 г.»)

Итакъ, вѣра въ анти-мѣщанство русскаго народа глубоко обманула Герцена; послѣдующее народничество совершенно отказалось отъ

этой вѣры и перенесло центръ тяжести своей системы, какъ мы это увидимъ, отъ анти-мѣщанства на индивидуализмъ. И однако на днѣ ошибочной вѣры Герцена таилась глубокая истина. Русскій народъ дѣйствительно, быть можетъ, наиболѣе анти-мѣщанскій въ мірѣ въ своей интеллигенціи, т.-е. именно въ томъ цвѣтѣ народа, который и характеризуетъ собою весь народъ. Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ — всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; *отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ вѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство* (эту мысль мы подчеркнули во Введении). Такая типичная интеллигенція возросла главнымъ образомъ на русской почвѣ: западно-европейская интеллигенція, начиная съ 1789 г., имѣла въ себѣ центральное буржуазное ядро, т.-е. не была внѣклассовой; буржуазія фатально придала европейской интеллигенціи окраску мѣщанства. Русская интеллигенція, первоначально дворянская по составу, быстро становилась внѣклассовой и внѣсословной къ срединѣ XIX-го вѣка; буржуазія совершенно не входила въ ея составъ, и, быть можетъ, именно оттого русская интеллигенція была и есть неизмѣримо болѣе анти-мѣщанской, чѣмъ какая бы то ни было европейская. Это какъ нельзя яснѣе сознавалъ и Герценъ. Еще въ своей статьѣ о «Буддизмѣ въ наукѣ» (1843 г.) онъ категорически заявлялъ, что «намъ (русскимъ) рѣшительно невозможна мѣщански-филистерская жизнь нѣмцевъ»...; въ «Капризахъ и Раздумьи» онъ повторяетъ: всѣ нѣмецкіе филистеры по большей части бурши, не умѣвшіе примирить юное съ совершеннолѣтнимъ. Самая смѣшная сторона филистерства именно въ этомъ сожитіи въ одномъ и томъ же человѣкѣ теоретической юности съ мѣщанскимъ совершеннолѣтіемъ»... Но, по убѣжденію Герцена, почти каждый европейскій интеллигентъ немного филистеръ, ибо ему страшно трудно сбросить съ себя тяжелыя цѣпи ковавшейся тысячелѣтними культуры; русскій же, снимая съ себя цѣпи системы официальнаго мѣщанства, «становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ»... «Мыслящій русскій — самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ»...; быть можетъ, онъ слишкомъ ударяется въ крайности, но никогда не унизится до ни горячаго, ни холоднаго, срединнаго мѣщанства: «въ нашей жизни есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего неподвижнаго, ничего мѣщанскаго»... («Русскій народъ и социализмъ»). Русская интеллигенція поэтому типично анти-мѣщанская, и въ этомъ

отношеніи выше интеллигенціи европейской; поэтому, какъ замѣчаетъ Герцень, «поживши годъ, другой въ Европѣ, мы съ удивленіемъ видимъ, что вообще западные люди не соотвѣтствуютъ нашему понятію о нихъ, что они *гораздо ниже его*» («Западные арабески», тетр. II). Если все это такъ (а мы, вслѣдъ за Герценомъ, глубоко убѣждены, что это именно такъ), то становится очевиднымъ, что *Герцень былъ глубоко правъ въ самой мысли объ анти-мѣщанствѣ, какъ характерной чертѣ Россіи; онъ ошибался только въ точкѣ приложенія этой истины*. Это чрезвычайно типично для всего народничества Герцена: большинство основныхъ положеній этого народничества настолько же истинны по существу, насколько ошибочны по примѣненію. Послѣдующее народничество во многомъ исправило ошибки герценовскаго воззрѣнія.

Но несмотря на всѣ эти ошибки, народничество Герцена было и остается творческимъ построениемъ критической русской мысли, и самъ онъ лучше всего характеризуется эпитетомъ—геніальный родоначальникъ народничества. Мы никого не зовемъ «назадъ къ Герцену!»: его народничество уже сыграло свою историческую роль, но именно поэтому и можно теперь вполне объективно признать его выдающееся значеніе въ исторіи русскаго культурнаго развитія XIX-го вѣка; пора признать, что вообще народничество — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и жизненныхъ міровоззрѣній, созданныхъ русской интеллигенціей на почвѣ окружающей ея дѣйствительности. Что касается народничества Герцена, то вліяніе дѣйствительности сказалось въ построеніи всей системы на фундаментѣ анти-мѣщанства. Мы знаемъ, что болѣе половины жизни Герцену пришлось жить и дѣйствовать въ средѣ, созданной системой официальнаго мѣщанства; чѣмъ сильнѣе оно давило его, тѣмъ сильнѣе онъ реагировалъ въ обратную сторону: лишніе люди въ этой гнетущей средѣ мѣщанскаго террора погибали, сильные—закаливались;

...такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ...

Вся тяжесть борьбы съ официальнымъ и этическимъ мѣщанствомъ выпала на долю Герцена; въ этой борьбѣ выросло и закалилось его міровоззрѣніе. Это объясняетъ, почему народничество Герцена было глубоко анти-мѣщанской концепціей.

Анти-мѣщанство — основная черта герценовскаго народничества; многія изъ другихъ отмѣченныхъ нами его чертъ были слѣдствіемъ

того, что *народничество Герцена явилось синтезом западничества и славянофильства*. Первымъ слѣдствіемъ этого былъ *глубокій этический и социологическій индивидуализмъ народничества Герцена*, ибо и этический индивидуализмъ славянофиловъ и социологическій индивидуализмъ западниковъ Герценъ связалъ въ одно органически цѣлое своимъ философски-историческимъ индивидуализмомъ. Это былъ громадный шагъ впередъ въ развитіи русской творческой мысли, и только съ этого времени мы собственно имѣемъ возможность говорить о томъ или иномъ рѣшеніи проблемы индивидуализма; до Герцена мы видѣли только отдѣльные штрихи въ рѣшеніи этой проблемы. *Западничество и славянофильство пошли въ направленіи этого рѣшенія довольно далеко, но запутались въ частности и противоположностяхъ; Герценъ отбросилъ всѣ ошибки либеральнаго и консервативнаго доктринерства и построилъ изъ здоровыхъ элементовъ старыхъ теорій новое гармоничное зданіе, простоявшее на заложенномъ Герценомъ фундаментѣ болѣе трехъ десятилѣтій;* даже теперь, когда народничество въ прежнемъ своемъ видѣ отнюдь не жизнеспособно, многія положенія, впервые выставленныя Герценомъ, сохранили вполнѣ свою цѣнность.

Къ чему стоитъ ближе народничество Герцена, къ западничеству или славянофильству?—на этотъ вопросъ у насъ найдется только одинъ отвѣтъ: оно одинаково близко и къ тому и къ другому, ибо народничество является органическимъ сочетаніемъ, органической переработкой началъ славянофильства и западничества, а не механической ихъ суммировкой. Можно только указать тѣ элементы обоихъ направлений русской мысли, которые вошли въ переработанномъ видѣ въ народничество. Такъ, на примѣръ, противопоставленіе Россіи Европѣ, признаніе особаго пути развитія Россіи, отрицательное отношеніе къ государству и ко всякимъ политическимъ формамъ, а значитъ и нѣкоторая анархистская концепція, отрицательное отношеніе къ ультра-номинализму, выставленіе впередъ общиннаго начала—все это роднитъ Герцена со славянофильствомъ, но каждый изъ этихъ вопросовъ былъ органически переработанъ Герценомъ и только тогда внесенъ въ общее зданіе его міровоззрѣнія. На примѣръ: выставленіе впередъ общиннаго начала имѣло у славянофиловъ главнымъ образомъ этический смыслъ, Герценъ же придалъ ему яркую социологическую окраску; особый путь развитія Россіи понимался славянофилами какъ долженствованіе, Герценъ же разработалъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія категории возможности, и т. п. То же самое можно сказать о началахъ, взятыхъ народничествомъ изъ западничества: народниче-

ство Герцена было поэтому органическимъ синтезомъ западничества и славянофильства.)

Рѣшеніе Герценомъ проблемы индивидуализма синтезомъ возрѣній славянофильства и западничества представляетъ изъ себя только внѣшнюю сторону вопроса; рѣшеніе внутреннее, для каждаго индивида, было дано Герценомъ еще задолго до народничества, въ началѣ сороковыхъ годовъ, и заключалось въ *одновременномъ требованіи широты и глубины чело­вѣческой личности*. Все народничество Герцена въ его философской части въ сущности сводилось къ этому же требованію; даже въ самомъ синтезѣ широкаго западничества съ глубокимъ славянофильствомъ можно найти отзвукъ этого рѣшенія. Послѣдующее народничество категорически отвергло рѣшеніе Герцена социаль­но-экономическими аргументами, какъ мы это увидимъ въ главѣ о Михайловскомъ; но мы увидимъ также, что аргументы эти были въ корнѣ ошибочны. Намъ приходится неизбежно вернуться къ рѣшенію Герцена—до сихъ поръ единственному рѣшенію проблемы индивидуализма для каждаго отдѣльнаго лица. Вообще намъ во многомъ еще придется вернуться къ Герцену, чтобы вспомнить многія предложенныя имъ рѣшенія (по вопросу о прогрессѣ, объ интеллигенціи и т. п.)... Повторимъ еще разъ: «назадъ къ Герцену» мы никого не зовемъ. Его народничество сослужило свою громадную службу и умерло—*requiescat in pace!* Воскресенія изъ мертвыхъ мы не признаемъ. Но въ міровозрѣніи Герцена можно найти рядъ глубокихъ концепцій, сохранившихъ въ себѣ животворную силу до настоящаго дня, хотя и засоренныхъ случайными наносами; очистивъ отъ нихъ міровозрѣніе гениальнаго родоначальника народничества, мы откроемъ доступъ къ источнику живой воды. Не назадъ къ Герцену, а впередъ *отъ* него—вотъ чѣмъ мы хотѣли бы заключить наше знакомство съ Герценомъ. Впрочемъ развивать эту мысль здѣсь было бы неумѣстно—намъ еще предстоитъ познакомиться съ дальнѣйшимъ развитіемъ идей Герцена въ народничествѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, съ эволюціей мысли русской интеллигенціи третьей четверти XIX-го вѣка. Въ этомъ развитіи Герценъ начинаетъ собою новую, глубоко важную главу; народничество, предшествуемое западничествомъ и славянофильствомъ, впервые поставило ребромъ проблему социализма и индивидуализма, категорически рѣшая ее въ сторону примата реальной личности въ социалистическомъ обществѣ. Народничество Герцена формулировало этотъ вопросъ, народничество Михайловскаго дало на него послѣдній отвѣтъ; однако между этими двумя этапами развитія русской общественной мысли лежатъ еще шестидесятыя годы, лежитъ

народничество Чернышевскаго и Лаврова, эстетическія теоріи Добролюбова, утилитаристическая мораль Писарева, теченіе нигилизма. Наконецъ—послѣднее и наиболѣе важное—между народничествомъ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ лежитъ рѣзкая точка перелома—19 февраля 1861 года.

